

КАМИЛЛА ЛЭКБЕРГ

КУКУШОНКА

18+

**МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ОТ «ШВЕДСКОЙ АГАТЫ КРИСТИ»
ТОП-10 САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ**

**Более 35 миллионов экземпляров книг
в 60 странах на 30 языках**

Камилла Лэкберг

Кукушонок

Серия «Крафтовый детектив из
Скандинавии. Только звезды»

Серия «Фьельбака / Патрик

Хедстрём», книга 11

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70396342

ISBN 978-5-04-200314-1

Аннотация

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ОТ «ШВЕДСКОЙ АГАТЫ КРИСТИ».

**ТОП-10 САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ.
БОЛЕЕ 35 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ В 60
СТРАНАХ НА 30 ЯЗЫКАХ.**

**ОНА ПОГИБЛА МНОГО ЛЕТ НАЗАД. НО ДО СИХ ПОР
МЕШАЕТ ЖИВЫМ...**

Во Фьельбаке намечается большой праздник – свой золотой юбилей отмечают знаменитый прозаик Хеннинг Бауэр и его жена Элизабет. На торжество пригласили множество видных людей Швеции, в том числе известную писательницу Эрику Фальк и ее мужа, полицейского Патрика Хедстрёма. Внезапно отказывается

прийти выдающийся фотохудожник и близкий друг четы Бауэров – Рольф Стенкло. И никто не понимает, почему. Но непонимание быстро сменяется ужасом: в тот же вечер Рольфа зверски убивают в его галерее. Патрик возглавил расследование этого убийства, а Эрика, как обычно, начинает собирать материал для своей будущей книги, посвященной жуткой трагедии. Они еще не знают, что это лишь начало целой серии таинственных убийств...

Камилла Лэкберг – ведущий автор среди прославленных мастеров скандинавского детектива. Первый же ее роман стал мировым бестселлером – как, впрочем, и каждый последующий. Лэкберг входит в десятку самых популярных писателей Европы.

«Лэкберг – эксперт в деле смешивания милых домашних сцен с останавливающим кровь ужасом». – *Guardian*

«Лэкберг особенно хороша в изображении клаустрофобии, свойственной маленьким сообществам, в которых все знают всех, а полицейский может дружить с убийцей». – *The Times*

«От романов Лэкберг бросает то в жар, то в холод». – *Sun*

«У Лэкберг особый дар: ей удалось создать два наиболее законченных образа во всей современной детективной литературе – причем сделать это с особой теплотой, пробивающейся сквозь скандинавскую холодность». – *Independent*

Содержание

Суббота	6
Стокгольм, 1980 год	20
Воскресенье	58
Стокгольм, 1980 год	63
Стокгольм, 1980 год	107
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Камилла Лэкберг

Кукушонок

Copyright © 2021 Camilla Läckberg

First published by Bokförlaget Forum, Sweden

Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden.

© Боченкова О. Б., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящается Симону

Суббота

Он разглядывал фотографии. Знал, что Вивиан возмущена его решением, но какой тут может быть праздник? Время дышало ему в спину. И теперь его, времени, осталось только на то, чтобы примириться с прошлым. Наверное, это давно пора было сделать. Прошлое нависало над ним дамокловым мечом. Но он боялся вопросов, которые придется ставить, ответов на них и всего того, что может проявиться в промежутке между вопросами и ответами.

Сделанный им выбор сформировал его как личность, и то, что он теперь видел в зеркале, выглядело не особенно лестно. Прожить жизнь с завязанными глазами – здесь нечем особенно гордиться. И вот теперь наконец он осмелился сорвать повязку и действовать, руководствуясь увиденным.

Он бережно вынимал фотографии в рамках, одну за другой, и размещал в углу, у стены. Когда пересчитал, их оказалось шестнадцать – все.

Он отошел на несколько шагов, перевел взгляд на пустые рамки – плейсхолдеры. Он написал названия работ на бумажных табличках, которые прикрепил к плейсхолдерам скотчем. Этого достаточно. Любую из своих работ он мог увидеть во всех подробностях и с закрытыми глазами. Все они четко отпечатались на его сетчатке.

Он знал, что будет развешивать снимки до глубокой ночи,

и это, конечно, не пройдет ему даром, ведь он далеко не молод. Зато послезавтра, на открытии выставки, гора наконец свалится с плеч, и впервые за долгие годы он почувствует себя свободным. То, что он собирался сделать, будет иметь драматические последствия, но не нужно бояться. Он и без того слишком долго прожил в страхе. Все они все это время жили в тени собственной лжи. Правда, его и их, грозила раздавить всех, но это его не останавливало. Он почувствовал громадное облегчение, прикрепляя табличку со словом «Вина» к одной из рамок. Смерть больше не пугала.

* * *

Эрика Фальк потянулась. Теплая постель не отпускала, но до встречи с Луизой Бауэр оставалось немногим больше часа. Похоже, Луиза страшно волновалась накануне праздника, и ей нужно было выговориться. Только поэтому Эрика и согласилась.

– Так уж обязательно нам туда идти?

Патрик застонал и накрыл лицо подушкой, которую Эрика тут же убрала.

– Это будет здорово, – она легко ударила мужа подушкой. – Вкусная еда, приличное вино, а твоя жена в кои-то веки выберется в люди.

Патрик состроил гримасу и прикрыл глаза.

– Золотая свадьба, Эрика. Насколько весело это может

быть? Расфуфыренные гости и долгие торжественные речи. Ты ведь не хуже меня знаешь, что за люди там соберутся... – Он снова застонал.

– Мы пойдем, так или иначе. Так что советую стиснуть зубы и попытаться получить удовольствие.

Поняв, что перегнула палку, Эрика перекадилась на половину Патрика и осторожно погладила ему грудь. Сердце мужа билось мощно, ритмично. Трудно поверить, что когда-то у Патрика были с ним проблемы. Но беспокойство не ушло. Нет никакой уверенности, что проблемы не вернуться.

– Луиза рассчитывает на нас. И потом, мне нравится видеть тебя в костюме. Особенно в темно-синем, в нем ты очень эффектно выглядишь.

– Уф, не подлизывайся...

Патрик коснулся губами ее рта, после чего перешел к более глубокому поцелую, все больше привлекая к себе Эрику, которая вдруг почувствовала тепло и слабость во всем теле.

– Дети могут прийти в любое время, – пробормотала она.

Вместо ответа Патрик натянул им на головы одеяло. Стало еще теплее. Только он и она – их тела, губы, дыхание.

Уверенный стук в дверь подтвердил опасения Эрики.

– Ух ты, прятки!

Ноэль с радостным воплем бросился на кровать. В тот же момент Антон со стремительностью выпущенного из пушки ядра приземлился прямо на фамильные драгоценности Патрика.

– Ох, черт... – Патрик осекся под строгим взглядом жены. Ноэль и Антон хохотали до слез. Эрика вздохнула, улыбаясь. Их с Патриком уединение длилось всего несколько секунд.

Она наклонилась к мальчикам и принялась щекотать их, пока те не завыли как волки.

– Я пыталась заставить их смотреть телевизор, но они убежали вверх, когда я пошла за йогуртом.

В дверях появилась Майя в рубашке с единорогом и в отчаянии всплеснула руками.

– Тебе не нужно нянчиться с ними по утрам, дорогая, – успокоил Майю Патрик, жестом приглашая войти в спальню. – Убежали так убежали...

Серьезная Майя помедлила несколько секунд, прежде чем с визгом броситься на кровать и присоединиться к игре.

Взгляды Патрика и Эрики встретились поверх копошащихся в постели детей. Идеальная семья – именно так это выглядело.

* * *

– Они позвонят, как ты думаешь? Или нам ждать до четверга? Они ведь иногда предупреждают заранее.

Хеннинг Бауэр барабанил пальцами по столешнице. Первые выходные октября. За окном осень, и серые волны с белыми пенистыми гребнями бьются о гладкие скалы неболь-

шого острова. Их острова.

Он посмотрел на Элизабет, сидевшую напротив с чашкой чая.

– Мы ведь слышали, что я в последней пятерке. Разумеется, это ничего не гарантирует. Но шансы на победу – один к пяти.

Она, как ни в чем не бывало, продолжала пить чай. Хеннинг восхищался спокойствием жены. Так оно было всегда, когда дело касалось его писательства. Он волновался, сомневался. Она успокаивала.

Хеннинг продолжал барабанить по столу, ждал ее ответа. Ему была нужна ее поддержка. Заверение, что все будет хорошо.

Сделав еще пару глотков, Элизабет поставила чашку на блюде. Эта чашка – один из бесчисленных подарков, оставшийся с их пышной свадьбы. Теперь Хеннинг ни за что не смог бы вспомнить, от кого они ее получили.

Очередная волна, набухшая больше других, бросила каскад брызг в панорамное окно почти во всю стену дома. Вода оставила на стекле соляные разводы, с которыми неутомимо боролась домработница Нэнси. Но попытки шхер вытеснить цивилизацию оставались не менее упорны. Как будто море хотело вернуть себе утраченные позиции.

– Не беспокойся, дорогой. Они позвонят сегодня, завтра, или подождут до четверга. В крайнем случае не позвонят вообще. Но если все-таки позвонят, в чем я почти не сомнева-

юсь, ты должен притвориться удивленным. Сделать вид, будто мы не знали, что ты в шорт-листе. Как будто для нас это приятная неожиданность.

Хеннинг кивнул и обернулся на окно.

– Разумеется, дорогая, разумеется...

Он стал сбиваться с ритма, наблюдая за узором, который вода оставляла на стекле. Один к пяти – он должен быть доволен. Если б еще знать, что это может значить... Единственный телефонный звонок мог бы все прояснить.

– Поешь немного. – Элизабет подвинула ему корзину со свежеиспеченным хлебом. – День будет долгим, не говоря о вечере. Я не хочу, чтобы ты уснул за столом в десять.

Хеннинг потянулся за французскими булками. Любое занятие лучше безделья, как говаривала его жена. Он намазал на булку толстый слой масла, которое тут же впиталось.

– Вечером у нас танцы, – он подмигнул жене с набитым ртом.

Элизабет слабо улыбнулась:

– Да, танцы...

* * *

– Боже мой, в котором часу ты вывела лодку? И в такую-то погоду...

Эрика прикрывала лицо рукой, защищаясь от ветра. Как ни старалась она поспевать за Луизой Бауэр, та все равно

шла быстрее. И то, что в нескольких метрах за спиной Эрики волны с угрожающим плеском ударялись о берег, нисколько не улучшало ситуации. Даже деревянные постройки на берегу как будто раскачивались под ветром.

– Уф... Я ведь просыпаюсь в шесть каждое утро, – сказала Луиза. – А сегодняшний день обещает быть долгим, поэтому его просто необходимо начать с силовой ходьбы.

Эрика закатила глаза. Луиза работала ассистенткой Хеннинга Бауэра – одного из самых известных писателей Швеции и ее свекра. Понятно, что время от времени ей нужно было проветривать мозги.

– Не думаю, что мне это так уж необходимо, – проворчала Эрика. – То же я могу сказать о любом другом виде физической активности.

Луиза рассмеялась.

– Шутница! Ты ведь чувствуешь, как приятно подвигаться с утра. Это дает энергию на весь день.

Эрика пыхтела, с трудом удерживая темп на подъеме по Галербакену и плотнее укутываясь в голубую куртку от «Хелли Хансен». Тренировочный костюм Луизы из водоотталкивающего и ветрозащитного материала был, конечно, идеален во всех отношениях, не говоря о том, что сидел великолепно.

– Потом бывают приятные ощущения, согласна, – с трудом ответила Эрика. – Если ты это имеешь в виду... Но в результате ничего не остается. Даже если я понимаю, что мне

это нужно.

Она остановилась отдышаться. Луиза тоже замедлила шаг на ступеньках и оглянулась на Эрику.

– Извини, я становлюсь занудой, – продолжала та. – Наверное, дело в сидячем образе жизни и неправильном питании. Плюс возраст, не будем о нем забывать. Я уже чувствую приближение климакса. Ты нет?

Луиза опять взяла прежний темп.

– Я старше тебя на несколько лет, но... – Она прибавила скорость, проходя мимо аптеки. – Мне удалили матку, еще в молодости. Рак. И теперь то, что должно быть самой большой печалью в жизни, оборачивается благословением.

– Прости, я не знала...

Эрика поморщилась. Топать по клавишам пианино в сапогах вполне в ее стиле.

– Ничего страшного, – успокоила Луиза. – Я не делаю из этого тайны, просто редко когда приходится к слову... – Она выпрямилась. – Привет, меня зовут Луиза, и у меня нет матки!

Эрика расхохоталась. Прямота и черный юмор – это было то, что ей нравилось в Луизе.

Они познакомились через детей, на игровой площадке возле площади Ингрид Бергман. Майя сразу стала лучшей подругой пасынка Луизы Вильяма, который был на несколько лет старше ее. Пока дети играли, Эрика и Луиза разговаривались. Это было прошлым летом. Теперь же Луиза не упу-

стила возможности встретиться с Эрикой, как только приехала во Фьельбаку с семьей. Но Эрике гораздо больше нравились их вечера за бутылкой вина, чем неожиданные и оттого вдвойне утомительные спортивные прогулки. В этом она была вынуждена себе признаться.

– Что ты думаешь о сегодняшнем вечере? – спросила Луиза.

Эрика помахала Дану, мужу своей сестры, который вырубивал с парковки возле магазина «Консум». Он радостно помахал в ответ, и Эрика представила себе, как Дан смеется над ее спортивными потугами.

– Что сказать? – только и ответила она на вопрос Луизы.

– Я не ожидаю ничего особенного. Мои родители придут через час или около того, и все будет как всегда. Им удалось снять дом в Бадисе, так что они счастливы. У нас праздник, но мнения насчет того, каким он будет, расходятся. Хеннинг говорит одно, Элизабет – другое. Мы знаем, что будет так, как хочет Элизабет. Исполнять ее волю доверено мне.

– Думаю, будет весело, – сказала Эрика.

Луиза обернулась с улыбкой.

– Это ты говоришь из вежливости. В любом случае, «весело» – это не про золотую свадьбу. Но будет вкусно, я лично пробовала меню. И вино рекой. И я позаботилась о том, чтобы вам с Патриком не было скучно за столом. У тебя будет невероятный собеседник в лице моего мужа, а Патрик получит фантастическое удовольствие от моей компании.

– Прекрасно! – восхитилась Эрика и тут же схватилась за бок. Возраст все-таки давал о себе знать.

Они огибали гору, чтобы вернуться в поселок, оставляя справа место, которое в детстве Эрики называлось «семь шишек» – примерно столько их можно было набить, съезжая с крутого склона на санках. Эрика прикинула, долго ли еще идти, и пришла к неутешительному выводу.

Перед ней мелькал темный хвост волос на затылке Луизы. Он ритмично прыгал из стороны в сторону, пока она, как будто безо всяких усилий, продвигалась вперед. Эрика наклонилась, взяла камень и сжала в ладони, в надежде хоть немного приглушить боль в боку – лишнее доказательство того, что подобные пробежки не для нее.

* * *

– Ты говорил с ней?

Тильда расширила красивые голубые глаза и подняла перед собой платье с глубоким вырезом.

Взгляд Рикарда Бауэра упал на этикетку. «Дольче и Габбана» – эта вещица обошлась ему не меньше чем в тридцать-сорок тысяч, что совершенно не беспокоило Тильду. До тех пор, во всяком случае, пока бездонного кошелька Рикарда хватало на удовлетворение любого каприза – в Стокгольме, Париже или Дубае.

– Я поговорю с ней, – пообещал он, не в силах скрыть раз-

дражения от ее голоса, который все больше действовал ему на нервы. Неужели она всегда так скулила?.. – Я поговорю с ней, но не раньше, чем после праздника. Ты знаешь, какая у меня беспокойная мама. Не хочу портить ей вечер.

– Хорошо, но ты точно поговоришь с Элизабет завтра? Обещаешь?

Тильда выпятила грудь и поджала губы. Только что из душа, она стояла перед Рикардом голая, если не считать обернутого вокруг головы белого полотенца. Рикард почувствовал свою реакцию – полный восторг. Он мог не принимать Тильду умом, но тело реагировало на одно только ее присутствие.

– Обещаю, дорогая.

Он повалил ее на кровать, которую они только что оставили. Тильда хихикала и визжала.

– Иди сюда, детка, – застонала она. – Просто иди сюда...

Рикард зарылся лицом между ее огромными грудями, как будто спрятался от остального мира.

* * *

Элизабет Бауэр вынула из футляра красные серьги. Они достались ей от бабушки и идеально подходили к платью, которое она приготовила на вечер. Еще одно платье – черное и более легкое, для танцев, висело рядом. «Ив Сен-Лоран» и «Оскар де ла Рента». Куплены прошлой весной, когда они

с Хеннингом пару недель прожили в парижской квартире. Если хотите сделать покупку на особый случай – например, празднование золотой свадьбы, – лучшего места, чем Париж, не придумать.

Элизабет бережно уложила серьги в темно-синюю обитую бархатом коробочку и вздрогнула, когда в окно спальни ударил очередной каскад брызг. Здесь, в одноэтажном доме на Шелерё, не было ни одного окна, которое не омывали бы волны. Из всех их «резиденций» эта самая скромная. Стокгольмская и парижская квартиры, не говоря о доме в Тоскане, обставлены куда более роскошно. Но Элизабет больше нравится здесь, на Шелерё, где она едва ли не с рождения проводила каждое лето.

Название острова не имело ничего общего с «душой»¹ и восходило к древнему бохусленскому слову, обозначавшему «синие мидии», которые и в самом деле были здесь повсюду. Целые горы красивых голубых ракушек. Чайки сбрасывали их с высоты, чтобы разбить о розовый гранит и добраться до съедобного содержимого. Так бесплодные скалы оживились голубоватыми вкраплениями.

Дедушка Элизабет купил этот остров, и теперь он принадлежал ей. Крохотный пятачок скалистой суши за Фьельбаккой, он производил на Элизабет почти магическое действие. Стоило выбраться сюда, как все заботы развеивались. Здесь, на Шелерё, Элизабет чувствовала себя как в неприступной

¹ Шелерё (*шв.* Skjälärö) по-шведски созвучно с själ («душа»).

крепости, где никто не мог до нее добраться. Много лет они жили даже без телефона – только рация. Но теперь пользовались всеми благами цивилизации – телефоном, электричеством, вай-фаем и огромным количеством телевизионных каналов для детей.

Детские программы – слабость Луизы и Петера. Дети часами могли следить за приключениями мультяшных фигурок на экране – нет чтобы почитать хорошую книгу. Элизабет пыталась наставить их на путь истинный, но в целом была очень осторожна в том, что касалось воспитательной работы. Особенно после того, что случилось с Сесилией.

Она страхнула неприятные воспоминания и бережно уложила оба платья в пакеты. Конечно, можно было попросить об этом Нэнси, но Элизабет так нравилось прикасаться к нежной, дорогой ткани... Нигде больше не шьют таких платьев, как в «Оскаре».

– Хеннинг? – позвала Элизабет, не рассчитывая услышать в ответ ничего, кроме невнятного бормотания.

И улыбнулась, когда ожидания подтвердились.

– Ммммм... – раздалось из-за закрытой двери.

– Я думаю взять смокинг с Сэвил-роу², тот, который мы сшили в этом году. Согласен?

– Ммммм... – снова донеслось из кабинета.

Элизабет опять улыбнулась.

² Сэвил-роу – улица в Лондоне, на которой исторически расположены самые дорогие и престижные мужские ателье.

Смокинг уже лежал, упакованный, среди вещей, предназначенных к отправке на Большую землю. За годы брака Элизабет усвоила, насколько важно, чтобы муж чувствовал себя вовлеченным в домашние дела. Поэтому его нужно спрашивать, даже если решение уже принято. Этот совет она могла бы дать и Луизе.

Стокгольм, 1980 год

Пютте любила наблюдать, как Лола готовится к вечеру. Это повторялось изо дня в день, но рутина не отменяла волшебства.

Пютте лежала животом на большой бархатной подушке, подперев подбородок руками, а Лола сидела перед заставленным баночками и пузырьками туалетным столиком и прихорашивалась.

– Что ты наденешь сегодня? – спрашивала Пютте, глядя блестящими глазами в сторону платяного шкафа. В гардеробе Лолы ей нравилось все. – Как насчет розовой блузки с кружевами на спине? Плюс розовые брюки в обтяжку, простой шиньон и серьги с бриллиантами?

Лола повернулась к Пютте, и та живо кивнула:

– Да! Розовая блузка моя самая любимая.

– Я знаю, дорогая.

Лола снова повернулась к зеркалу и продолжила аккуратно наносить макияж. Каждый вечер почти одно и то же. Если праздник или какое-нибудь торжество, можно позволить себе больше, но сегодня работа. Поэтому сначала крем, потом пудра... каял, тушь, коричневый карандаш для бровей – совсем чуть-чуть. Наконец губная помада – одна из тех, что стоят в кофейных кружках на туалетном столике. Сегодня подойдет пронзительно-розовая.

Лола осторожно провела помадой в уголках рта, звонко чмокнула, прежде чем промокнуть кусочком туалетной бумаги, и добавила еще. Теперь очередь парика. Свои волосы у Лолы длинные, блестящие, медно-русые, но на работе она обычно в парике. Вот они, все пять – на круглых пенопластовых колодках, похожих на головы. Лола выбрала каштановый средней длины, надела поверх собственных волос, тщательно убранных под сетку, поправила и сделала обычный шиньон на затылке. Потом подошла к шкафу, осторожно, чтобы не зацепить длинными, накрашенными ногтями, надела розовую блузку и более яркого оттенка брюки и потянулась к флакону духов – последний штрих. Наконец она предстала перед Пютте во всей красе.

– Вуаля! Ну, как боевая раскраска?

– Отличная боевая раскраска! – Пютте громко рассмеялась.

Она хотела стать такой же красивой, как Лола, когда вырастет.

Лола схватила симпатичную розовую сумочку и вышла в прихожую.

– Ты справишься, дорогая, не так ли? Еда в холодильнике. Можно разогреть в духовке, только не забудь потом выключить. Спать ложись не позже десяти, не сиди, не жди меня. Я запру дверь, никому не открывай. Хорошо, дорогая?

Лола перешагнула порог и вставила ключ в замочную скважину.

– Люблю тебя! – крикнула она Пютте.

После того как дверь захлопнулась, в прихожей несколько секунд висело легкое парфюмерное облачко.

– Мне это кажется странным. Почему бы нам не пойти?

– Потому что я так решил.

Рольф Стенкло бросил раздраженный взгляд на жену. Для себя он уже закрыл эту тему.

Вивиан наблюдала за мужем от входа в выставочный зал, который Рольф наполнил своими мечтами – всем тем, что заставляло его сердце болеть и петь.

– Но, Рольф, у наших лучших друзей золотая свадьба. Я не понимаю тебя. Там будут все знакомые, близкие нам люди. Кое с кем из них, честно говоря, было бы неплохо повидаться.

Голос Вивиан сорвался на фальцет, как бывало всегда, когда она расстраивалась. Они женаты без малого двадцать лет, и этот голос каждый раз наводил Рольфа на мысль, что по крайней мере девятнадцать из них лишние.

– Я просто не хочу, что тут непонятного? Не люблю многолюдных вечеринок, для тебя это новость?

Рольф нажал на спусковой крючок пистолета для забивания гвоздей и выругался, когда гвоздь вошел в стену слишком глубоко. Похоже, здесь нужен пистолет меньшей мощности.

– Черт... – Он взял гвоздодер и вытащил гвоздь.

– Ты мог бы поручить это кому-нибудь другому, – сказала Вивиан.

Рольф заметил, с каким любопытством она разглядывает фотографии, прислоненные к стене у входа. На этот раз он не допустил жену к подготовке выставки. Сказал, что это слишком личное, и она, как ни странно, поняла.

– Ты имеешь в виду таких, как Хеннинг и Элизабет? Кто не может подтереть себе задницу без посторонней помощи?

– Что с тобой сегодня? Тебе не нравятся Хеннинг и Элизабет, я знаю. Но ты отказался идти на большой праздник в их честь, а потом оскорбил их. Ты как будто злишься на что-то... Нет, Рольф, сегодня ты определенно не в духе.

Вивиан скрестила руки на груди. Рольф устало повернулся к ней.

– А тебе нужно, чтобы я был белый и пушистый? Это для тебя главное? Сидеть тихо и не раскачивать лодку? И ни в коем случае не поднимать щекотливых тем, которые только и стоят наших разговоров...

– Нет, ты совершенно невозможен.

Вивиан выскочила за дверь, оставив Рольфа одного. Он оглядел голые стены, которые сейчас собирался украсить своими лучшими работами. Взял пистолет, вогнал в стену еще один гвоздь. Потом достал одну из простых рамок с названием фотографии. Повесил рамку на гвоздь, отступил на шаг и прочитал подпись. В груди защемило. От любви. От чувства вины. От ностальгии по безвозвратно ушедшему

прошлому. Но уже скоро. Совсем чуть-чуть – и все изменится. На небе снова взойдут самые яркие звезды.

* * *

– Ну, как наши дела?

Луиза Бауэр беспокойно расхаживала по залу ресторана «Мадемуазель», справа от входа в «Большой отель». Деревянный пол слегка поскрипывал под ее шагами. Тучи все еще низко нависали над морем, и волны били в причальные мостки, когда Луиза прошмыгнула в дверь.

Барбру, хозяйка заведения, тоже как будто нервничала.

– Все идет по плану, – ответила она. – Еду можно подавать хоть сейчас. Столы накроем сразу после обеда. Персонал подготовлен, и напитков тоже более чем достаточно. Нам удалось раздобыть все, о чем вы просили.

– Хорошо... – Луиза остановилась посреди зала. – А дети? Макс и Вильям не могут есть то же, что взрослые.

Барбру кивнула.

– Для детей гамбургеры и мороженое с шоколадом.

– Отлично! Да, похоже, у вас и в самом деле всё под контролем. Вы получили карты размещения? Сверили со списком гостей, чтобы убедиться, что мы никого не забыли? Этим не стоит пренебрегать, на составление карт у нас ушло несколько месяцев.

Луиза увидела, как на лбу Барбру выступили капельки по-

та.

– Разумеется, мы всё проверили, но я попрошу распорядителя посмотреть еще раз, – ответила она.

– Хорошо.

Луиза сама услышала, как резко это прозвучало, но она не терпела небрежности. Осмотрелась. Сейчас в зале прохладно, но то ли будет, когда соберутся гости... На всякий случай она заказала вентилятор – ярко-зеленый, с экзотическими нотками в декоре, что соответствовало интерьеру отеля.

Луиза представила себе разодетую в пух и прах публику, которая будет танцевать сегодня вечером под звуки джаз-бэнда. Сейчас для музыкантов оборудовали небольшую сцену у одной из коротких стен зала.

Все пройдет просто великолепно. Незабываемо – как и все, что она делает. Потому что у Луизы ничто не бывает оставлено на волю случая.

* * *

Хеннинг Бауэр отодвинул чашку и уставился на монитор с пустым вордовским документом. Курсор дернулся, словно насмешливо подмигнул. Чистый лист – вечный кошмар писателя.

За закрытой дверью послышалось движение. Элизабет волновалась накануне праздника, как и он сам. Но вечер обещал быть фантастическим. Список гостей выглядел внуши-

тельно – и как раз таким, каким он хотел его видеть. Хеннинг предвкушал застольные речи и поздравления.

Если б еще перед этим он смог выдавить из себя что-нибудь стоящее... Каждый день Хеннинг проводил в этом кабинете по несколько часов. Потягивал чай и смотрел на мигающий курсор на экране. Нужные слова были где-то здесь, рядом. Хеннинг всю жизнь прожил со словами, и они не должны были его чураться, но, похоже, насмехались над ним.

Хеннинг взял чашку и встал у окна, глядя на бурное море снаружи. Летом оно выглядело как на рекламе пива «Приппс блюа» – голубое небо и сверкающие на солнце скалы из розового гранита, парусники, быстро скользящие по воде во всех направлениях... Но сейчас, в октябре, море обрушивалось на скалы так, словно хотело потопить крохотный остров. Природа, не смущаясь, демонстрировала свою силу, и такой она нравилась Хеннингу больше. Он сжал чашку в ладони, проклиная судьбу.

Он должен что-нибудь написать. Этот остров – идеальное место для творчества. За спиной Хеннинга – большой письменный стол возле панорамного окна, и сам он как герой Ингмара Бергмана в вихре первозданной творческой стихии. Но ничего не приходило. Абсолютно ничего.

Осторожный стук в дверь заставил Хеннинга вздрогнуть.

– Да?

Это получилось резче, чем он рассчитывал.

– Извини, папа, мальчики хотят, чтобы ты им кое в чем

помог.

Лицо Хеннинга смягчилось. Он не терпел, когда его беспокоили во время работы, но внуки – другое дело.

– Входите, входите...

Дверь открылась. Перед ним стоял Петер с сыновьями. Хеннинг жестом пригласил их приблизиться и потеплел окончательно, когда лица Макса и Вильяма зарделись при виде его улыбки.

Хеннинг не принимал особо активного участия в воспитании Петера и Рикарда – так было принято в то время. Но с Максом и Вильямом все иначе, и Хеннинг должен дать им то, чего не досталось в полной мере его сыновьям.

– Помоги нам выбрать галстуки, дедушка.

Макс, старший и не по годам серьезный, протянул три галстука. В руке Вильяма – вечного неслуха с торчащими в разные стороны волосами – было столько же. У него только что выпали три зуба, поэтому Вильям сильно шепелявил, повторяя за старшим братом:

– Да, дедушка. Помоги нам выбрать галстуки.

– Разумеется, я вам помогу. Галстук – важная деталь мужского туалета. И знаешь что, Вильям...

Тот прищурился на Хеннинга:

– Знаю, завтра мы будем ставить ловушки на креветок³.

Хеннинг взъерошил ему волосы:

– Думаю, будем.

³ Имеются в виду специальные складные клетки для ловли креветок и омаров.

Петер широко улыбнулся отцу поверх голов мальчиков. Таким сыном можно гордиться. Мало того что он возглавлял фирму по управлению фондами, но и во всем остальном являл совершенство. Хеннинг остановил на нем взгляд. После смерти Сесилии Петер редко выглядел счастливым, но сегодня его глаза сияли.

– Ну, посмотрим... – Хеннинг вернулся к галстукам. – Для начала мне нужно знать, что ты наденешь кроме этого. К какому костюму ты подбираешь галстук? Он должен стать завершающим штрихом...

В этот момент зазвонил мобильник, и Хеннинг вздрогнул. Он всегда ставил мобильник на беззвучный режим перед тем, как войти в кабинет, но сегодня, похоже, забыл. Раздраженный, Хеннинг приблизился к столу, чтобы отключить телефон, который лежал рядом с компьютером, но остановился на полудвижении, увидев имя на дисплее. Хеннинг не был знаком с этим человеком, однако несколько лет назад на всякий случай сохранил его номер.

Дрожащей рукой Хеннинг нажал сначала на зеленую трубку, а потом на значок громкой связи. После чего приложил палец ко рту, делая знак Петеру и мальчикам замолчать.

– Хеннинг Бауэр.

– Это Стен Сален, ответственный секретарь Шведской академии. Добрый день.

– Здравствуйте.

Сердце забило в груди так, что Хеннинг чуть не рухнул в

обморок. Рука затряслась, и он положил мобильник на стол, чтобы по ошибке не отключить Стена Салена.

Вой ветра за окном усиливал шум в ушах. Всю жизнь он шел к этому моменту. Когда Стен Сален снова заговорил, Хеннинг встретился взглядом с Петером и понял, что сын в полной мере осознает важность момента. Отныне и навсегда имя Хеннинга Бауэра вписано в историю литературы, шведской и мировой.

– Хеннинг, я рад сообщить, что Шведская академия приняла решение присудить вам в этом году Нобелевскую премию по литературе. Позже вас проинформируют обо всех подробностях. Сейчас же мне вряд ли нужно добавлять, что сказанное не подлежит широкой огласке до официального объявления. – Стен Сален коротко рассмеялся. – Большинство публики верит, что лауреаты узнают о своем избрании не раньше, чем я выйду через известную дверь в здании Биржи⁴.

Повисла тишина. Теперь Хеннинг слышал только шум ветра, плеск волн и стук собственного сердца. Петер замер, положив руки на плечи Макса и Вильяма.

Хеннинг сделал глубокий вдох и выпрямился.

– Благодарю за оказанную честь, – сказал он. – Передайте членам Академии, что я очень, очень польщен.

⁴ Биржа (*шв.* Börshuset) – здание в Гамластане, исторической части Стокгольма, в котором проходят заседания Шведской академии, в том числе и для избрания лауреатов Нобелевской премии.

Завершив разговор, Хеннинг посмотрел на мерцающий курсор на мониторе и выключил компьютер.

* * *

– Встала ли тетина любимица? – с опаской спросила Эрика в приоткрытую дверь.

– Она встала, входи! – прокричала в ответ Анна из своего кабинета.

Эрика сняла куртку и бросила кроссовки в кучу обуви в прихожей.

– Ну, и как дела?

Анна сидела за столом, заваленном рисунками, образцами тканей, пуговицами и прочей фурнитурой и цветовыми таблицами, посреди донельзя захламленной комнаты. Эрика не смогла удержаться от смеха.

– У меня срочная работа, а кое-кто только начал ходить. И если она успевала везде, когда ползала, то теперь...

– Это поэтому здесь столько игрушек?

Эрика опустила на четвереньки, чтобы отыскать племянницу в разноцветном ворохе, и нашла Фелицию, или Флисан, как ее называли в семье, за огромным плюшевым медведем. Малышка улыбнулась при виде любимой тети.

Флисан родилась на месяц раньше срока, что не мешало ей быть самым здоровым и активным ребенком на Земле. Ужас, связанный с обильным кровотечением у Анны, почти

забылся.

– Это все равно что работать посреди торнадо, – пожаловалась Анна и встала, обеспокоенно озирая беспорядок на столе.

– Могу забрать ее на некоторое время, пока ты не закончишь, – предложила Эрика и целиком переключилась на Флисан, которая забавлялась тем, что изо всех сил тянула тетю за нос.

– Да, наверное, так будет лучше... – Анна застонала. – Клиент попался на редкость упертый, и я только и занимаюсь тем, что отговариваю его от штор с маяками и подушек с ракушками.

– Разве клиент не всегда прав? – Эрика, в свою очередь, дернула девочку за нос, что привело Флисан в полный восторг.

– Только между нами, – Анна понизила голос, – клиент очень редко бывает прав.

Она в задумчивости почесала в светлых волосах, которые теперь доставали ей ниже плеч и скрывали следы шрамов на голове после аварии. Эрика отметила про себя, что вид у сестры сияющий, несмотря ни на что. Анна, которую столько лет преследовали несчастья, сумела создать с Даном на редкость благополучную семью. Одно из свидетельств тому – маленькая дочь, с которой наперебой нянчились дяди и тети.

– Ты была на пробежке? – подозрительно спросила Анна, только сейчас заметив, в чем пришла к ней Эрика.

– Луиза вытащила меня на силовую ходьбу... – та мрачно вздохнула.

– Это она любит, – заметила Анна. – Силовую ходьбу, я имею в виду.

Эрика показала сестре язык, что Флисан тут же нашла забавным и достойным подражания.

– Что ты имеешь против Луизы, собственно говоря? – Эрика опустила Флисан на пол.

– На самом деле ничего. И я вижу, что вы друг другу нравитесь. Просто мне кажется, у всех Бауэров шило в одном месте. Ты когда-нибудь видела Хеннинга в «Вавилоне»? Зрелище, скажу я тебе...

– Нет, это я, похоже, пропустила.

Эрика пошла за пакетом кукурузных палочек, чтобы хоть чем-то отвлечь племянницу. У нее был хороший опыт с Ноэлем и Антоном, которые вели себя подобно лесному пожару в меблированных комнатах. В последнее время, правда, несколько успокоились, но до снятия детских замков со шкафов было далеко.

– Может, это все моя мнительность, – продолжала Анна. – Неудивительно после нескольких дней в Стокгольме в компании Лукаса... Все эти ужины с людьми, которые слишком высоко задирают нос и разговаривают с тобой не иначе как через губу.

– Луиза не такая, и ты это знаешь, – заметила Эрика, обороняясь от Флисан, пытавшейся засунуть ей в рот хорошо

прожеванную кукурузную палочку.

– Не совсем такая, тем не менее.

– С Элизабет и Хеннингом я разве только здороваюсь, если уж на то пошло. А вот с мальчиками точно всё в порядке. Майя и Вильям неразлучны. Он заводила, она его успокаивает.

– Традиционная роль женщины – успокаивать буйных парней, – пробормотала Анна, роясь в образцах тканей на столе.

– С каких пор ты стала феминисткой? – Эрика склонила голову набок, взглядываясь в лицо сестры.

– Не нужно быть феминисткой, чтобы видеть несправедливости этого мира. То же у Эмили в школе. Все внимание учителей достается лихим парням, а тихие девочки вроде нее всегда в тени.

– Ты права, – вздохнула Эрика, раскрывая объятия Флисан, которая неслась к ней на полной скорости. – Ах, тетина радость, какая же ты красивая...

– Как продвигается книга? – Анна потянулась к жестянке с печеньем на верхней полке шкафа. Овсяное, конечно. Оно всегда было в доме их детства.

– Не будем о грустном, – отвечала Эрика, с благодарностью принимая печенье. – Похоже, я исписалась: ни одной новой идеи. И ни одно из преступлений меня не вдохновило. И это притом что я перелопатила целую подшивку «Криминальной хроники»... Издатель просит хотя бы синопсис, но

я не могу дать ему то, чего у меня нет. – Эрика встряхнулась, прогоняя неприятные мысли. – Может, сменим тему? – Она мрачно посмотрела на сестру. – Мне неприятно.

– Конечно, – Анна широко улыбнулась. – Что ты думаешь о сегодняшнем вечере?

Она приложила кусок ткани к образцу цвета, нахмурилась, взяла другой кусок и недовольно покачала головой.

– Пойдем выпьем кофе, голове нужен отдых. Итак, вечер...

Эрика подняла Флисан и последовала за Анной на кухню.

– Это будет... интересно. Патрик не то чтобы в восторге, но... в общем, мы идем, потому что попросила Луиза. Все равно немного неловко – мы ведь почти не знаем ни Хеннинга, ни Элизабет.

– Но ты писательница, для них это должно много значить.

Анна стояла спиной к Эрике и насыпала кофе в фильтр выдавшей виды кофеварки.

– Даже не знаю, считают ли Хеннинг и Элизабет меня писательницей. Для них моя проза слишком незамысловата. Но простым людям нравится то, что я делаю... Нет, правда; в понимании людей их круга, хорошие продажи – худшее, что может случиться с писателем.

Анна усмехнулась, наливая воду в кофеварку.

– Ну а если кроме шуток, – продолжала Эрика, – все должно получиться здорово. Луиза обещает вкусную еду и хорошее вино.

– Ну, вот и Дан. Он укреплял лодку. Когда закончишь с шалуньей, можешь передать ее Дану. Теперь она его дочь – на ближайшие пару часов, по крайней мере.

Эрика понюхала макушку Флисан. Девочка сидела на коленях у тети и играла связкой ключей – хоть какое-то занятие.

– Ну вот, старушка, – сказала ей Анна. – Когда мама тут, обращай к тете Эрике. На нее можно положиться.

– Эээ... поцелуй меня. – Анна поставила кофе перед старшей сестрой, но на безопасном расстоянии от малышки. Потом наклонилась и поцеловала Эрику в щеку. – Люблю тебя.

Эрика сглотнула. Анна всегда была скупа на нежности.

– Люблю тебя, – шепотом ответила она.

* * *

Вивиан Стенкло сомневалась. Обычно право решающего голоса оставалось за Рольфом, она не любила брать на себя ответственность. Но на этот раз столкнулась с тем, чего не понимала и не могла принять.

Она должна сидеть дома только потому, что Рольф не хочет никуда идти! Это смешно. Двадцать лет Вивиан подстраивалась под мужа, приспособливалась к его графику, поездкам... Уже когда они только начали встречаться, она поняла, что он к этому привык. Первая жена Рольфа, Эстер, скончавшаяся за год до их знакомства, была при нем чем-то вроде

администратора. Первый муж Вивиан тоже был художник, и вся их совместная жизнь вращалась вокруг его прихотей. Так что с Рольфом Вивиан оказалась в знакомой ситуации, что парадоксальным образом внушало чувство защищенности.

Тем не менее до сих пор она улавливала логику в прихотях Рольфа. На этот же раз все выходило уж слишком странно. Но ведь и времена нынче не те. Обычаи их поколения вымерли, как динозавры. Вивиан не обязана подчиняться мужу и может решать за себя сама.

Она взяла телефон со стола в гостиной. Небольшой дом, который они арендовали в Сельвике, выглядел вполне пристойно, но продувался насквозь. Каждый порыв ветра ощущался сквозь стены, и Вивиан поплотней закуталась в кардиган.

– Луиза? Привет, это Вивиан. Извини за беспокойство, у тебя сегодня дел невпроворот, но Рольф, насколько мне известно, отказался от приглашения на праздник, в том числе и от моего имени... Да, это печально, но я хочу тебя спросить... если, конечно, это не верх неприличия... ничего, если я приду одна?.. Можно, да? Спасибо, Луиза, это так мило с твоей стороны... Да, мы действительно немного приболели, но теперь я опять на ногах, а Рольф один вечер вполне обойдется без меня. Спасибо еще раз.

Этот маленький разговор много значил для Вивиан, и она почувствовала это, как только положила трубку. Первый шаг к независимости – это многое меняет.

Рольф тоже стал другим. Ушла радость жизни, хоть в какой-то степени оправдывавшая жертвы. В последние месяцы место успешного жизнерадостного художника занял мрачный вялый тип. Рольф старел, и это была не та жизнь, которой хотела Вивиан.

Она подошла к гардеробу подобрать что-нибудь на сегодняшний вечер. В худшем случае придется срочно ехать в Уддевалу.

* * *

Лодку сильно качало, когда Луиза Бауэр пришвартовывалась к мостику. Старая деревянная посуда неплохо сохранилась благодаря хорошему уходу на протяжении многих лет, но угрожающе скрипела в открытом море. Это не пугало Луизу, которая была опытным моряком; тем не менее она промокла до нитки, пока добиралась на Шелерё из Фьельбаки. Вечером придется вызывать морское такси, если она хочет прибыть на праздник в подобающем виде.

Луиза соскочила на берег, уверенными движениями пришвартовала лодку и зашагала к домам. Родители Луизы, Люссен и Пьер, обижались, что она не навестила их, когда они прибыли во Фьельбаку, но когда ей было этим заниматься? Ситуация с сегодняшним вечером менялась час от часу, и Луиза должна была учесть каждую мелочь. Кое-кто любит откладывать на последний момент. Звонок Вивиан разо-

злил Луизу, что никоим образом не отразилось на невозмутимо-дружелюбном тоне ее голоса. Между тем появление Вивиан на вечере грозило нарушить тщательно продуманную схему размещения гостей за столом. Луиза решила пойти по пути наименьшего сопротивления, усадив Вивиан на одной из коротких сторон рядом с Эрикой и Петером. И все-таки это на грани приличия. Не говоря о том, что Рольфа не будет. В его болезнь Луиза не верила ни секунды. Как бы то ни было, на момент приглашения Рольф без хрустального шара не мог предугадать, каким будет его самочувствие в день праздника. Ситуация выглядела тем более странной, что он был одним из лучших друзей Элизабет и Хеннинга.

Луиза поскользнулась на гладких скалах, но сразу восстановила равновесие. В их с Петером доме горел свет, как и в большом доме Элизабет и Хеннинга. У Рикарда и Тильды темно, но они всегда спят долго. Иногда остаются в постели после полудня, что сводит Хеннинга с ума, насколько это известно Луизе.

Она направилась к их с Петером дому, но потом вдруг повернула к Хеннингу и Элизабет. Вошла без стука, как это принято на острове, и позвала внутрь дома:

– Эй...

– Луиза! Иди сюда, мы в кабинете, – донесся в ответ взволнованный голос Элизабет, и Луиза быстро сняла одежду и обувь.

В любой ситуации Элизабет оставалась собранной и

невозмутимой. Знакомые шутили, что она похожа на утку, которая неподвижна над поверхностью воды, но под водой активно перебирает лапками. Но в данный момент тон ее голоса выдавал, что в доме произошло нечто важное.

Когда Луиза вошла, Элизабет и Хеннинг сидели в креслах с бокалами в руках, а на столе между ними стояла бутылка шампанского. Хеннинг вскочил за бокалом для Луизы. Его багровое лицо контрастировало с серебристо-белыми волосами.

– Уже празднуете? – спросила Луиза и взяла наполненный бокал, отметив про себя марку шампанского. «Анри Жиро» – около тридцати тысяч крон за бутылку.

– Сядь, у нас важные новости.

Блестящими от возбуждения глазами Элизабет указала на единственный свободный стул – тот, на котором обычно работал Хеннинг.

– Я сгораю от любопытства.

Луиза осторожно глотнула шампанского. Хорошее, но едва ли оправдывает потраченные на него деньги.

Элизабет перевела торжествующий взгляд на Хеннинга, потом снова на Луизу. Чуть заметно кивнула Хеннингу, и тот глубоко вздохнул:

– Мне позвонили.

– Позвонили? – переспросила Луиза, хотя уже поняла, что он имеет в виду, и еще крепче сжала бокал.

– Да, позвонили, – кивнул Хеннинг, захлебываясь от пере-

полнявшей его радости. – Мне присудили Нобелевскую премию по литературе за этот год.

Повисла тишина, которую спустя пару секунд нарушил звон треснувшего в руке Луизы стекла.

* * *

– Как думаешь, когда мы сможем вернуться домой? – прошептал Патрик Эрике перед «Большим отелем».

На какое-то время шторм как будто поутих, но теперь волны обрушивались на скалы с новой силой. Эрике казалось, что она чувствует на губах вкус соли. Она шикнула на Патрика, чтобы не медлил, пока ветер не растрепал ее прическу. Но муж продолжал ворчать и когда они вешали одежду в холле, и все тянул себя за галстук.

«Какой он сегодня красивый! – молча восхитилась мужем Эрика. – Если б он еще знал об этом...»

– Надеюсь, Луиза подобрала тебе достойную компанию за столом, – сказала она вслух. – Посмотри, как здорово все выглядит. Ты не пожалеешь.

Но нет, видно, и с пиджаком тоже было что-то не так, потому что Патрик все время крутился, словно хотел оглядеть себя со всех сторон, и лишь мельком бросил взгляд на накрытые столы в освещенном зале.

– Ты сказала Анне и Дану, чтобы позвонили, если потребуется помощь с детьми? – с нескрываемой надеждой спро-

сил он жене.

– Они не позвонят. Нам предстоит вечер без детей и ночь без детей. Уже не помню, когда такое было в последний раз.

– Все верно, – согласился Патрик и незаметно ущипнул Эрику за ягодицу. – И я точно знаю, как лучше использовать это время.

– Завалиться спать? – Эрика подмигнула Патрику, поцеловала его в щеку и кивнула на большую схему на стене рядом с входом: – Смотри-ка. Тебе дали лучшее место, рядом с Луизой.

Патрик облегченно вздохнул, а Эрика показала на свое имя:

– А я сижу за длинным столом рядом с твоим. Между мужем Луизы Петером и Уле Ховландом.

– Петера я знаю, а кто такой Ховланд? – спросил Патрик и посмотрел в сторону места Эрики, где сидел мужчина в темном костюме с темными, зачесанными назад волосами.

– Он женат на Сюзанне Ховланд, члене Шведской академии. Они близкие друзья Элизабет и Хеннинга. Из этой же компании Рольф Стенкло... фотограф, снимает природу и содержит что-то вроде клуба в Стокгольме... «Бланш», там собираются люди искусства. Другими словами, меня туда никогда не пригласят. Вообще, интересно, как Ховланд отнесется к моему обществу? Может, понадобится нюхательная соль, когда он поймет, с кем оказался рядом?

– Тебя это смущает?

Патрик взял Эрику за локоть, чтобы она не споткнулась, спускаясь по лестнице на высоких каблуках.

– Нисколько, – Эрика сжала руку Патрика. – В общем и целом я нахожу это забавным.

– Ну, в таком случае, желаю от души повеселиться, – напутствовал он, удаляясь к своему столику.

Луиза постучала вилкой по бокалу, требуя внимания, и попросила гостей занять свои места.

– О... Эрика! – Петер выдвинул ее стул и приветствовал широкой улыбкой, напомнив тем самым лишний раз Эрике, как ей нравится муж Луизы.

Уле медленно повернулся, беззастенчиво оглядел соседку с головы до ног и поцеловал ей руку.

– Enchanté⁵, – прошептал он с сильным норвежским акцентом.

Эрике удалось не расхохотаться. Вечер действительно обещал быть интересным.

* * *

Элизабет Бауэр оглядела зал, в котором пятьдесят лет тому назад они с Хеннингом играли свадьбу. В тот вечер тоже был шторм, и все выглядело так же: и гости, и столы с белыми скатертями, мерцающими стеариновыми свечами и

⁵ Очень приятно (*фр.*).

красными розами в вазах.

Она оглянулась на Хеннинга, по другую руку от которого сидела Люссан, мать Луизы. Он выглядел очень счастливым, громко говорил, размахивая руками. Его смех эхом отдавался от стен, и Люссан, как всегда, подпала под очарование Хеннинга.

В этот момент Элизабет поняла, что их триумф стоит принесенных жертв – всех трудностей и подчас невыносимой боли. Она искала руку Хеннинга под столом. Он взял ее кисть, погладил большим пальцем наружную сторону, уже покрытую возрастными пятнами. Какими молодыми были они в тот вечер пятьдесят лет тому назад, какими наивными... Могли ли предвидеть, какие испытания уготовила им жизнь?

Но сейчас в этом зале сидели их родные, друзья и коллеги – все те, с кем они рука об руку прошли долгий путь. Большинство их давно вышли из так называемого среднего возраста. Хеннингу скоро восемьдесят, ей семьдесят. И эта жизнь стоила каждой горестной морщинки, каждого седого волоса.

Элизабет сжала руку Хеннинга и отпустила ее. Кто-то постучал по бокалу. Оскар Беринг – близкий друг и тоже писатель, с которым Элизабет в качестве издателя работала не одно десятилетие. За это время Беринг получил множество престижных литературных премий. Все, пожалуй, кроме той, которую скоро официально присудят ее мужу.

Когда Оскар прокашлялся, чтобы произнести речь, которая обещала быть долгой, в груди Элизабет вспыхнул еще один фейерверк счастья. И не только счастья, потому что это был вечер их с Хеннингом триумфа.

Гости продолжали перешептываться, и Оскар еще раз, уже раздраженно, прочистил горло. Когда наконец в зале стало тихо, он вздернул подбородок, взял лежавшую перед ним бумажку и начал говорить:

– Хеннинг! Как сказал Томас Манн, «книги – кровеносные сосуды души». Никто не олицетворяет эту мысль лучше, чем ты. Без малого сорок лет ты обогащал наши души и наполнял их сосуды своими текстами. Твои книги – гимн женщине, облетевший все страны мира. Их читают, обсуждают, изучают и критикуют на бесчисленных языках.

Элизабет сделала хороший глоток вина. Она любила Оскара, но без спиртного вынести его речь было невозможно.

* * *

Очередь дошла до горячего, а Патрик Хедстрём все сильнее дергал за свой галстук и ворот рубашки. Луиза как хозяйка праздника проводила за столом не так много времени, зато другая соседка Патрика повернулась к нему, потому что предназначенный ей кавалер больше интересовался вином.

– Снимите его, и дело с концом, – улыбнулась она, кивая на галстук.

Женщину звали Патрисия Смед, и она тоже писала романы, которые якобы не только хорошо продавались, но и высоко ценились критикой. «Но до продаж вашей жены мне далеко», – грустно призналась она.

– В этом обществе я ничего снимать не собираюсь, – ответил Патрик, но по крайней мере ослабил галстук, прежде чем сделать глоток крепкого вина. Он давно потерял счет выпитым бокалам.

– Элизабет возражать не станет, – ответила Патрисия Смед и улыбнулась еще шире, отчего тонкие морщинки вокруг ее глаз стали глубже. – Разве что Хеннинг... он всегда относился строже к таким вещам.

– Элизабет – издатель Хеннинга. Я угадал?

Патрик напрягся, пытаясь вспомнить, что Эрика рассказывала ему сегодня в течение дня. Он любил жену, восхищался ее профессией, но как только речь заходила о книгах и издателях, быстро отключался.

– Да, Элизабет – легендарный издатель, – подтвердила Патрисия. – Ее семья основала свое издательство спустя всего несколько лет после Альберта Бонньера. Она с самого начала была издателем Хеннинга. Он взял ее фамилию, когда они поженились.

Патрисия сделала маленький глоток вина. До сих пор она почти не пила спиртного, отдавая явное предпочтение воде.

– Разве семейственность не вредит в книжном деле? – искренне удивился Патрик.

– Им, похоже, не повредила, – Патрисия пожалала плечами.

В этот момент ласковая рука погладила Патрика по затылку. Это Эрика возвращалась на свое место из туалета. По ее дыханию и походке Патрик догадался, что супруга много выпила. Хорошо, что завтра можно спать до полудня.

– Надеюсь, мой муж в надежных руках? – спросила она и взъерошила Патрику волосы.

– Он у тебя чудак, – отозвалась Патрисия. – Вообще, приятно видеть тебя здесь, в родных местах, а не где-нибудь на книжной ярмарке... Как вы поладили с Уле?

Эрика закатила глаза.

– Он намерен научить меня писать, в полной мере используя свой потенциал, вместо того чтобы метать бисер перед свиньями.

Патрисия тихо рассмеялась.

– При этом не упускает возможности положить мне руку на бедро, – продолжила Эрика.

– Какого черта! – Патрик был готов вскочить с места, но Эрика слегка надавила ему руками на плечи и поцеловала в щеку. – Я спокоен, дорогая, это даже немного забавно.

Они улыбнулись друг другу, и Патрик окинул взглядом зал.

– Кто те двое рядом с Элизабет и Хеннингом? Она выглядит так, будто сидит на вилах, а он похож на кого-то из журнала «Приусадебное хозяйство».

– Ты, как всегда, наблюдателен, хотя и судишь предвзя-

то, – пробормотала Эрика. – Это родители Луизы, Люссан и Пьер. Он – наследник одного из крупнейших поместий в Сконе, со всеми вытекающими последствиями. Они женаты с молодых лет.

– Информация из журнала «Дамские сплетни»? – усмехнулся Патрик.

Эрика фыркнула.

– Зачем же, это мне Луиза сама сказала. Мы ведь иногда разговариваем с ней, когда гуляем... Ну, всё, мне пора возвращаться. Похоже, младший сын решил сказать речь.

Патрик проводил Эрику долгим взглядом. Сегодня у него самая красивая жена в этом зале, не говоря об остальном. А завтра можно будет не вставать с постели хоть до полудня.

Звон металла о стекло подтвердил предположение Эрики. Еще одна речь. Патрик сбился со счета где-то на двенадцатой, и некоторые были долгими.

– Приветствую всех!

С места поднялся мужчина за сорок. Его звали Рикард, насколько помнил Патрик со слов Эрики. Зачесанные назад волосы, «Ролекс» на руке, и весь лоснится, словно породистый кобель. Хотя, похоже, тоже немного перегрелся. Рикард качнулся, поднимая бокал, и попытался сфокусировать взгляд на счастливых родителях. Потом поднял два конверта.

– Вот здесь у меня два варианта речи. Выбери один, папа... – Рассмеявшись собственной шутке, он отбросил конверты в сторону. – Ну... на самом деле не все так плохо. Я

помню, что это праздник мамы и папы, но начну с тебя, папа. Честно говоря, ты был не лучшим отцом.

Патрик ощутил вино в горле и с ужасом уставился на мужчину с зачесанными назад волосами. Что он, черт подери, такое несет?

* * *

Хеннинг сжал кулаки под столом. Рикард – это Рикард. Еще в детстве он как будто был запрограммирован на то, чтобы разрушать и всюду сеять хаос. Не то что Петер, который всегда все делал правильно.

Хеннинг перевел взгляд на старшего сына. Судя по его лицу, Петер был зол не меньше отца. За детским столом сидели Макс и Вильям в галстуках, голубом и серо-белом в полоску, которые сегодня днем выбрали вместе с дедушкой. И слушали дядю с широко раскрытыми глазами.

Элизабет положила руку на бедро мужа, никогда не понимавшего ее слабости к Рикарду. Рикард был ее слепым пятном. Она все ему прощала и каждый раз давала второй шанс.

– Он слишком много выпил, – совершенно правильно заметила Элизабет.

Хеннинг наклонился к жене.

– Он губит себя... губит всех нас.

Поймав краем глаза испуганный взгляд Люссан, Хеннинг смутился. Он знал, как много значит для родителей Луизы

хорошая мина при плохой игре. В их глазах подобное поведение выглядело верхом неприличия.

– Завтра он извинится.

Элизабет еще крепче сжала его бедро. Хеннинг стиснул зубы. Больше всего ему хотелось схватить младшего сына за ворот и выволочь из зала. Но все взгляды были прикованы к ним с Элизабет. Кроме того, новое положение обязывало. Теперь он был не просто писателем Хеннингом Бауэром. И не только отцом семейства. Скоро он станет Хеннингом Бауэром – лауреатом Нобелевской премии по литературе. А значит, не может позволить себе сцены. И пока сын на нетвердых ногах, с пьяно блестящими глазам компрометировал его в глазах публики, Хеннинг только улыбался. А когда, спустя слишком много времени, речь наконец закончилась, зааплодировал первым.

* * *

– Боже мой! – вырвалось у Эрики.

После десерта зал начал пустеть. Многие из гостей остановились в отеле и теперь отправились в свои номера переодеться для танцев. Другие вышли перекурить, припудрить носы или просто глотнуть свежего воздуха после выступления Рикарда.

– Даже в лучших семьях... – невнятно пробормотал Уле и махнул рукой молодой официантке, указывая на пустой бо-

кал из-под виски.

Вивиан Стенкло перегнулась через стол. До сих пор она почти ничего не говорила, но, как видно, была потрясена выступлением Рикарда.

– Он всегда был проблемным ребенком, – сказала она. – Вечно бегал к Элизабет просить денег. Жил не по средствам. Прыгал с работы на работу, которые устраивала для него Элизабет. Если организовывал свое предприятие, она выступала инвестором. Ну а потом все, конечно, шло прахом. Если б Рольф был здесь, оттащала бы его за уши.

– Жаль, что Рольф не смог прийти, – подхватила Эрика и продолжила после того, как Вивиан опустила глаза: – Конечно, ему многое нужно подготовить для выставки. Я знаю, что он будет выставляться в галерее напротив, и с нетерпением жду открытия. Он и в самом деле удивительный фотограф. Какая тема на этот раз? Антарктида? Борнео?

– Я, правда, точно не знаю, – ответила Вивиан. – Он говорит, что это будет взгляд в прошлое. Кстати сказать, прошлое Рольфа – тайна за семью печатями, к которой стоит присмотреться. Там как будто было какое-то загадочное убийство...

Она заговорщически улыбнулась, поднимаясь со стула.

– Теперь мне нужно освежиться. Вчера вечером я сняла номер в отеле, чтобы не будить Рольфа, когда поздно вернусь домой. А вы на неделе обязательно заходите в галерею. Рольф сам вам обо всем расскажет.

– Конечно, спасибо.

Что там такое говорила Вивиан? Загадочное убийство?

Размышления Эрики прервал Уле, который, похоже, ни слова не слышал из того, что говорила Вивиан.

– А знаете... – Во время праздника он все ближе продвигался к Эрике и теперь наклонился к самому ее уху. Лениво потянулся за наполненным бокалом виски и сделал хороший глоток, прежде чем продолжить: – Знаете, что Хеннингу присудили Нобелевку?

Он причмокнул влажными губами. Его рука под столом снова искала ногу Эрики.

– Откуда вы знаете?

Эрика решительно отбросила липкую руку. Она не была настроена воспринимать всерьез его пьяный бред. Имя лауреата Нобелевской премии – тайна, надежно охраняемая восемнадцатью посвященными⁶. Кое-какая информация время от времени как будто просачивается, но Эрика никогда не придавала значения слухам. Культурная элита Швеции любит посплетничать.

Уле долго не отвечал, попивая виски. А когда бокал почти опустел, показал на жену, сидевшую далеко за другим столиком. Сюзанна Ховланд была поразительно красивая женщина: волосы цвета воронова крыла, высокие скулы, пронзительная белизна кожи подчеркивалась ярко-фиолетовым платьем, которое она надела на сегодняшний вечер.

– У Сюзанны от меня нет секретов. Она любит меня. – Он

⁶ Имеются в виду восемнадцать членов Шведской академии.

повел рукой в ее направлении, едва не опрокинув всю посуду вокруг себя. – Ему звонили.

Уле хихикнул, осушил бокал и махнул рукой, пытаясь привлечь внимание официантки. Рука опять опустилась на бедро соседки, и на этот раз поползла вверх. Это было уже слишком. Эрика встала, взяла сумочку и поблагодарила Уле за приятный вечер. Он проводил ее разочарованным взглядом.

У дверей туалета Эрика обернулась на Хеннинга, который в это время о чем-то увлеченно беседовал с Петером. Неужели это правда? Она фыркнула и покачала головой. Нет, восемнадцать не могли пропустить такое.

* * *

Тело ныло, но Рольф наконец был удовлетворен. Он сбился со счета, сколько раз перевешивал фотографии – точнее, плейшолдеры, их заменявшие. Рассмотрел не меньше сотни вариантов. В общем и целом, в этом не было ничего необычного. Разве то, что никогда еще для него не было так важно представить все в лучшем виде.

Рольф стоял спиной к двери. Пытался войти в роль посетителя и увидеть снимки как в первый раз. Медленно шел по выставочному залу, останавливаясь перед каждым снимком, как это делал бы посетитель. Внутренним взором видел каждую фотографию. Они должны были вызвать у зрителя

те же чувства, что и у Рольфа в тот момент, когда он щелкал камерой. Вот почему порядок был важен. Собственно, он всегда важен для профессионала. И у Рольфа возникло чувство, что на этот раз он расположил снимки правильно.

Сквозь закрытую дверь в зал просачивалась музыка и шум из отеля. Рольф хорошо представлял себе, что в этот момент там происходит. Разнаряженным в пух и прах Хеннингу и Элизабет нравится быть в центре всеобщего внимания. Уле, конечно, налился бы в стельку, если б не Сюзанна, которая бдительно следит за мужем. Вивиан время от времени посылает в его адрес гневные мысли. Но Рольф надеялся, что ей тоже удастся развлечься.

Между ними все восстановится, как только он закончит с подготовкой выставки. Рольф никогда не хотел расстраивать Вивиан. Просто так получилось. Он любил ее. Не так, как Эстер, которая вошла ему в кровь. Они с Вивиан были чем-то вроде двух небесных тел, вращающихся вокруг общего Солнца, которым, конечно, было его искусство. При этом Рольф всегда знал, что в случае чего может на нее положиться. Равно как и она на него.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть. Он только что разместил фотографию, которую назвал «Вина», – она занимала центральное место в экспозиции.

Рольф нехотя пошел открывать. Он не любил, когда его беспокоили во время работы, но неожиданный визитер оказался настойчив.

– Так это ты? – удивился Рольф, открыв дверь. – Ну, здравствуй...

И отошел в сторону, пропуская того, кто стучал.

* * *

– А можно я потом с тобой потанцую? – Вильям дернул Эрику за юбку.

– Конечно! Это такая честь для меня. Думаю, первый танец должен быть наш; ты как?

– Первый я обещал Луизе, – вздохнул мальчик и тут же просветлел: – Но твой будет второй. Он почти не хуже первого.

Эрика присела на корточки и заглянула Вильяму в глаза:

– Только между нами. Я действительно считаю, что второй лучше. Во время первого танца все только топчутся на месте и никто толком не знает, что нужно делать. А вот второй – совсем другое дело. Значит, договорились!

– Отлично! – радостно воскликнул Вильям и убежал.

Эрика встала и встретилась с веселым взглядом Петера.

– Похоже, мой сын влюблен в тебя.

– Он такой милый... – Эрика улыбнулась. – Видел бы ты их с Майей. Кажется, это называется быть на одной волне.

– Она успокаивает его, как я слышал. Дома Вильям – это торнадо.

– Ну да... – Эрика рассмеялась. – Не видела, но могу себе

представить. На самом деле Майя действует на окружающих успокаивающе.

– Хорошее качество. – Петер прислонился к колонне посередине зала.

А Эрика не могла не вспомнить слова Анны о традиционной роли женщин.

Вокруг кипела лихорадочная деятельность по превращению пиршественного зала в танцплощадку. Кучки гостей редели, и в помещении стало не так тепло. Эрика глубоко вздохнула и поправила платье.

– Сесилия была такой, – продолжал Петер, с нежностью глядя на Вильяма, который, размахивая руками, что-то объяснял музыкантам. – Сохраняла самообладание в любой ситуации и излучала стабилизирующую энергию, которую чувствовали все вокруг. Гармония – вот слово, которое я ищу. Она была очень гармоничная личность, и все вокруг себя приводила в гармонию.

– Мальчики тоскуют по ней?

Как всегда, Эрика затронула самые чувствительные струны. Стоило ли здесь поднимать тему мальчиков, потерявших мать?

– Да, и не в последнюю очередь благодаря мне. Мы с ними много говорим о ней. Смотрим фотографии и видео с ее участием. И Луиза понимает нас.

– Наверное, это не всегда легко?

– Жить с призраком? Да, пожалуй, – ответил Петер и по-

трогал пальцем бокал с вином, который держал в руке. – Но у Луизы хватает мудрости, чтобы понять, что это две разные вещи. Наша тоска по Сесилии не имеет ничего общего с любовью к ней, Луизе.

– У вас хорошие отношения с родителями Сесилии, бабушкой и дедушкой Вильяма и Макса?

– Они умерли еще до рождения мальчиков. Люссан и Пьер, честно говоря, не лучшая им замена.

Петер хмыкнул, и они с Эрикой обменялись понимающими взглядами.

– Люссан и Пьер не самые сердечные люди из тех, кого я видела в жизни, – согласилась Эрика.

– Сидеть на полу и играть с внуками – это точно не про них. Они другие. Я думаю, что у Луизы было непростое детство в их сконском имении.

– Но она, похоже, справилась, – заметила Эрика, глядя на Луизу, только что вернувшуюся в зал.

– Люди разошлись кто куда. Не знаю, удастся ли нам их собрать, когда начнутся танцы, – озабоченно сказала Луиза, приближаясь к ним с Петером. – Рикард дуется в своей комнате. Уле, пьяный, уснул на лестнице, и нам пришлось хорошенько встряхнуть его, чтобы привести в чувство. Боже... если в следующий раз твои родители попросят о чем-то подобном, лучше пристрели меня сразу.

– Но я ведь вижу, что тебе это очень нравится, – возразил Петер, целуя жену в щеку. – Наводить порядок в хаосе,

я имею в виду. И потом, вечеринка удалась на славу. Не обращай внимания на Рикарда. Мама всегда баловала его и теперь сама во всем виновата.

– Ты прав... – Луиза тяжело вздохнула. – Что ж, попробую и я получить удовольствие. Я обещала первый танец самому красивому кавалеру в этом зале.

– Я слышала об этом, – сказала Эрика. – Мне пришлось довольствоваться вторым.

– You snooze you lose⁷, – поддразнила ее Луиза и широко улыбнулась, направляясь к музыкантам, которые как будто вот-вот были готовы начать. Обхватила рукой Вильяма.

– Когда Бог закрывает дверь, Он открывает окно⁸, – процитировал Петер, провожая взглядом жену. – Луиза – мое окно. И мальчиков. Сама мысль может показаться глупой, но не в моем случае. А вообще я неверующий.

Эрика не ответила, просто сжала его руку. Она думала о том, что не одному Петеру повезло. Луиза тоже может считать себя счастливой.

С этой мыслью Эрика пошла искать мужа. Первый танец был его, хотел Патрик того или нет.

⁷ Кто не успел, тот опоздал (англ.).

⁸ Цитата из книги Э. Гилберт «Есть, молиться, любить».

Воскресенье

Скоро, скоро... Фанни Клинтберг думала о том, что недолго ей осталось мучиться в этом месте. Она откладывала каждый эре с проклятой работы, чтобы иметь возможность уехать. Восемнадцать лет во Фьельбаке – с нее довольно. Бесконечные зимы в поселке с тысячью жителей, где все обо всех всё знают и нет ни малейшей возможности что-либо утаить. А летом наезжают любители пляжного отдыха и ведут себя как хозяева только потому, что за всё заплатили.

Фанни достала чистящие и моющие средства из багажника старого «Фиата», который родители подарили ей на восемнадцатилетие. Ничего особенного, но Фанни любила красную колымагу за то, что та делала ее хоть немного свободней.

Взяв все необходимое, она закрыла багажник, глубоко вздохнула и полезла за связкой ключей от помещений, которые убирала. На Бали она точно не будет мыть полы, разве что в собственном бунгало. Фанни планировала устроиться в бар и уже начала изучать названия напитков в интернете. Посмотрела даже старый дрянной фильм «Коктейль», который так любила ее мама, потому что, по совершенно неопостижимой для Фанни причине, была влюблена в того жуткого артиста...

Она отперла дверь, подперла ее поддоном с моющими

средствами и вытащила пылесос. Это была относительно легкая работа. Галерея – большой, пустой зал. Поднимать, протирать, обходить почти нечего. Фанни убрала поддон – дверь с громким стуком захлопнулась – и обернулась в пространство зала.

В следующий момент она пронзительно закричала.

* * *

– Ну, как?

Голос Патрика звучал хрипло, как будто весь его рот был устлан наждачной бумагой.

– Никак.

Тон, которым это было сказано, не оставлял сомнений в искренности.

– Черт, это поэтому мы больше не веселимся?

– Поэтому и из-за трех маленьких детей, – простонала Эрика, поворачиваясь к мужу.

Ее дыхание заставило Патрика поморщиться. Но он скрипел еще больше, когда понял, что с его собственным дыханием дело обстоит не лучше.

– Не знаю, о чем я думал, когда столько пил, – пробормотал Патрик, не в силах оторвать голову от подушки.

– В моем случае виноват, конечно, Уле, – сказала Эрика. – Он явно поставил себе задачей завалить меня под стол. Как мы вообще добрались до дома? Неужели шли пешком?

Патрик напряг память, но та молчала. Так или иначе, они дома – и даже добрались до постели.

– Когда мы должны забрать детей? – спросил он, прочистив горло.

– Мы договорились на одиннадцать, но, думаю, придется просить Анну и Дана об отсрочке еще на несколько часов.

Эрика натянула одеяло выше подбородка, причмокнула и поискала бутылку с водой, которую всегда держала на прикроватной тумбочке. Осушив половину, передала бутылку Патрику, который с благодарностью ее принял.

– Похоже, я слишком стар для такого... – Он вздохнул и попытался разобраться с собственной головой: осталась ли в ней хоть какая-то здоровая часть?

– Так или иначе, ты должен признать, что вечер удался, – отозвалась Эрика. – Может, и не настолько, чтобы окупить твои страдания, но все-таки...

– Согласен, но прежде всего за счет моего присутствия за столом и речи младшего сына в стиле Нурена⁹.

– Ты упомянул Нурена? Неужели все эти годы я жила с подпольным интеллектуалом?

Эрика улыбалась. Светло-русые волосы обрамляли ее лицо, и Патрик про себя отметил, что его жена чертовски привлекательна даже в таком состоянии.

– Я всегда был интеллектуалом, – ответил он, умудрившись, опираясь на локти, приподнять верхнюю часть тела. –

⁹ Ларс Нурен (1944–2021) – шведский драматург, театральный режиссер.

Другое дело, что коммерческие писатели не в состоянии оценить тонкости моего юмора.

В голову ему полетела подушка, и все вокруг заходило ходуном. Оправившись, Патрик принялся щекотать Эрику. Так, постепенно, супруги пробуждались к жизни. Достаточно было одной таблетки альведона с ипреном, чтобы довести процесс до логического завершения. Но тут зазвонил телефон на тумбочке. Поначалу Патрик решил не обращать на него внимания.

– Это могут быть Анна и Дан, – сказала Эрика и приподнялась на локте, так что одеяло соскользнуло с одной груди.

Патрик остановил на жене долгий взгляд, после чего неохотно потянулся за трубкой.

– Это не Дан и не Анна. Это с работы.

Он несколько раз прочистил горло, прежде чем ответить:

– Да, это я... Что ты такое, черт возьми, несешь?.. Хорошо, где?.. Я выхожу прямо сейчас. Криминалисты уже в пути?.. Хорошо, я подожду их там.

Похмелья как не бывало. Патрик откинул одеяло и поднялся с кровати.

– Что случилось? – спросила Эрика, медленно принимая сидячее положение.

Патрик уже надел джинсы и футболку, отрыв то и другое в ворохе одежды на полу возле кровати.

– Труп в галерее в Галербакене.

– Труп? Чей? Вивиан? Рольфа? – Эрика тоже начала оде-

ваться и бросила мужу пару черных носков.

– Ничего не знаю, – Патрик замотал головой. – Уборщица сегодня утром обнаружила в галерее труп. Звонила Анника. Я выхожу прямо сейчас. Ты забереешь детей?

– Я все сделаю, – Эрика уже натягивала через голову студенческий свитер. – Держи меня в курсе! – напутствовала она мужа.

Слишком поздно. Дверь за ним уже захлопнулась.

Стокгольм, 1980 год

Лола слышала, как Пютте осторожно, чтобы не разбудить ее, выскользнула из комнаты. Вчера Лола работала дольше обычного, и веки словно налились свинцом, но топот легких ног Пютте по деревянному полу в сторону кухни заставил ее улыбнуться с закрытыми глазами.

Лола часто спрашивала себя, знает ли Пютте, что она для нее – всё? Пютте была как свет, просачивающийся сквозь белые гардины. Как хруст гравия под ногами после долгой зимы.

Лола потянулась в постели. Вчера в «Алексасе» выдалась тяжелая ночь. К ним вломилась группа пьяных, озлобленных мужчин. К счастью, такое случается не так часто. В целом их клуб – приличное место. Лоле нравилось там все – и коллектив, и работа. Нравилось быть любимой – вот так просто. Это стоило всего остального. Но вчерашние мужчины этого не понимали – жалкие, ограниченные существа...

Судя по звукам, Пютте уже вовсю орудовала на кухне. Лола почувствовала запах кофе и с неохотой начала просыпаться, хотя знала, что может спать сколько захочет: Пютте справится одна. Но Лоле хотелось быть с ней. Время с дочкой – это святое.

Лола включила радио – «*Don't do me like that*». Том Петти и «Хартбрейкерс» заголосили на полную катушку, и она по-

спешила приглушить звук, пока соседи не заколотили в стенку. Раздернула гардины, за которыми уже сверкал под лучами утреннего солнца летний Стокгольм. Лоле посчастливилось снять эту квартиру через вторые руки. Одна из коллег в «Алексасе» несколько лет тому назад переехала в Лос-Анджелес и захотела сдать «двушку» в Васастане в особняке постройки рубежа столетий. Последний этаж. Утреннее солнце над стокгольмскими крышами. Лола согласилась тут же. Для нее и Пютте это был идеальный вариант. Не то что мрачная лачуга в Бандхагене, где они жили до того.

В ногах кровати на вешалке белоснежный халат. Белый – с раннего детства любимый цвет Лолы. Может, потому, что когда-то у нее был белый пони. Или просто ее медно-рыжие волосы хорошо смотрятся на белом фоне... Крашенные, но какое это имеет значение?

– Что за вкуснятину ты готовишь, дорогая?

Возле кухонного стола Лола чуть не споткнулась о розовый рюкзак Пютте с Барби на кармашке. Дочка всюду брала его с собой, и Лоле строго-настрого воспрещалось смотреть, что там. Притворно вздохнув, она прислонила рюкзак к стене, устроилась за дорогим сосновым столом и закурила. Пютте поставила перед ней чашку с кофе, после чего торжественно огласила меню:

– Яичница-болтунья, стокгольмский батон с домашним сыром и никакого масла. И бекон. Настолько прожаренный, что можно заболеть раком от одного его вида.

– С чего ты это взяла, дорогая? – перебила ее Лола. – Никто не болеет раком от бекона. Весь рак – от атомных электростанций, будь они неладны.

Она выпустила несколько идеальных дымовых колец, специально для Пютте, которая маленькой так любила ловить их на палец.

– Ну, теперь я готова. Давай подкрепимся.

Пютте хмыкнула. Она любила слово «подкрепимся».

– Начни с яичницы, папа.

– Да, босс. Я начну с яичницы.

Лола поднесла вилку ко рту.

– Это бесподобно!

И осторожно вынула изо рта яичную скорлупу, когда Пютте повернулась к плите.

Вивиан с удовольствием пошевелила пальцами ног, лежа в постели. Она гордилась тем, что сумела постоять за себя и заставила Рольфа с ней считаться – пусть маленькая, но важная победа.

В остальном мир все так же вращался вокруг него: его выставок, поездок, друзей, клуба «Бланш». Вивиан была не более чем винтиком в этом сложном механизме. И все-таки вчерашняя ночь что-то переломила. Вивиан повеселилась на празднике, не будучи при этом тенью Рольфа.

Она оглядела комнату. Как и во всех номерах «Большого отеля», темой интерьера был один из крупных портовых го-

родов мира, в данном случае Токио. На стенах в каждой комнате – письма некоего капитана Классена, адресованные его сестре, с описаниями японской столицы. Вивиан была разочарована, когда узнала, что Классен – вымышленное лицо. Но номер ей нравился.

Вообще с отелем повезло. Все номера были забронированы задолго до вчерашнего праздника, но как раз перед тем, как Вивиан наудачу спросила на регистрационной стойке, кто-то позвонил и отменил бронь. Вивиан это не особенно удивило. Положение Луны в этот период обещало успех в делах, даже если Рольф считал астрологию полным бредом.

И вчера в зале Вивиан чувствовала мощные энергетические потоки. Что-то происходило по ту сторону реальности, но что именно, Вивиан так и не смогла уловить приглушенными алкоголем рецепторами.

Она надеялась, что Элизабет и Хеннинг не разочаровались в празднике. Вивиан любила Бауэров. Они близко общались с Эстер, когда та была замужем за Рольфом, но и Вивиан приняли в свой круг с распростертыми объятиями. Бауэры, конечно, поселились в одном из «люксов».

Поначалу Вивиан тоже хотела снять «люкс» для себя и Рольфа, но тот отказался ночевать в отеле ради прихоти. Рольф всегда говорил, что достаточно пожил в гостиницах по всему миру в связи с работой.

Вчерашнее платье аккуратно развешано на дверце шкафа. Вивиан спала в длинной поношенной футболке. Ей не мень-

ше десяти лет, но ничего более удобного под рукой не нашлось.

Она встала с постели и раздернула шторы. Неба не видно, вместо него – густая, кашеобразная дымка. Окно выходит на Галербакен. Галерея справа, но отсюда не просматривается, как ни крути головой. И все-таки сквозь туман Вивиан чувствовала: там что-то происходит. Обычно в это время года спуск к площади Ингрид Бергман пуст, за исключением разве случайных прохожих. Но сегодня по нему потоком текли люди и автомобили. Вивиан не могла понять, отчего сжался желудок в недобром предчувствии. Ее удивило, что до сих пор не было эсэмэски. На протяжении двадцати лет, вне зависимости от того, были ли они в ссоре или нет, если доводилось спать порознь, в семь утра Рольф присылал эсэмэску: «Доброе утро, сердце мое!» Но только не сегодня.

Это должно было насторожить ее раньше, но до первой чашки кофе мозг Вивиан как вязкий сироп. Лишь теперь всю засигналила тревожная кнопка.

Вивиан быстро достала из сумки брюки и свитер и оделась. Заплетенная на ночь коса растрепалась, но это уже не имело значения. словно неуправляемая сила тянула Вивиан вниз, к галерее.

Она сбежала по лестнице, натягивая кардиган поверх свитера. Девушка за регистрационной стойкой окликнула ее, но Вивиан, ничего не слыша, продолжила путь в сторону спуска – и вдруг резко остановилась. Внизу, на крохотной парков-

ке под круто обрывающейся скалой, стояло множество полицейских машин и «скорая». Ничего не видя перед собой, Вивиан побежала через дорогу и чуть не попала под машину, водитель которой сердито засигналил. Только возле галереи она была остановлена сурового вида пожилым мужчиной.

– Вам туда нельзя.

– Мой муж... Рольф... – пробормотала Вивиан; ее ноги вот-вот были готовы подкоситься.

– Галерея принадлежит вашему мужу? – спросил седовласый мужчина.

– Нет, он фотограф. Должен здесь выставляться.

– Вам лучше подождать здесь.

Вивиан поплотней закуталась в кардиган, но ничто не могло защитить ее от распространявшегося изнутри ледяного холода.

* * *

– Когда придут криминалисты? – спросил Патрик, осторожно переступая порог галереи.

Он хотел как можно скорее получить представление о ситуации и в то же время боялся уничтожить какие-либо следы или улики.

– Будут с минуты на минуту, – ответил Йоста и показал на пепельную блондинку в объемной кофте и голубых брюках, вперившую напряженный взгляд внутрь галереи. – Это как

будто его жена. Если, конечно, он и есть фотограф, который должен был здесь выставляться.

– Это он, – кивнул Патрик. – Рольф Стенкло, я узнал его.

– Мне распорядиться, чтобы о ней позаботились? – Йоста повернулся к женщине, у которой, похоже, зуб на зуб не попадал от холода.

– Мартин здесь?

– Будет через пять минут.

– Передай ее ему, у него лучше получается с людьми.

– Мне позвонить Пауле и Мельбергу? – для порядка спросил Йоста.

– Нет, слишком много народа для места преступления. Я попросил Аннику вызвать их в отделение. Пусть подождут нас там.

Йоста показал вверх окутанного туманом спуска:

– Сейчас будут криминалисты.

– Отлично, – отозвался Патрик и попятился к двери.

Он пытался снять на телефон место преступления, насколько это было возможно, не проходя вглубь галереи. Рамки с подписями на стенах. Мертвый Рольф Стенкло на полу и тоненькая струйка крови из его головы.

– На Торбьёрна можно положиться, – сказал Патрик.

– Да, но... – Йоста замялся, – это не Торнбьёрн...

– Всем доброе утро! – послышался задорный женский голос. – Ну вот, кажется, мы на месте. – Женщина помахала им рукой. – Меня зовут Фариде Мирза. Теперь я вместо Торн-

бьёрна Рууда.

– Вместо... Торнбьёрна? – удивился Патрик. И тут же вспомнил, что разговор об этом действительно был.

– Торнбьёрн ушел на пенсию по выслуге, – объяснил Йоста и успокаивающе положил руку на плечо Патрика.

Тот стиснул зубы.

– Так что у нас с местом преступления? – снова заговорила Фариде. – Насколько его можно считать нетронутым, я имею в виду?

Она строго посмотрела на Патрика, и тот невольно выпрямился. Вне сомнения, у этой женщины сильная энергетика.

– Его обнаружила уборщица сегодня утром. По ее словам, она вошла в дверь и тут же выбежала, не притронувшись к телу. Был дежурный врач, который констатировал смерть.

– Хорошо. А вы?

Она подозрительно оглядывала Патрика и Йосту. За спиной Фариде два криминалиста в полном вооружении ждали сигнала к началу работы.

– Я прошел, но не больше чем на шаг от двери, – ответил Патрик. – А Йоста стоял снаружи.

– Отлично; значит, не все так плохо. – Фариде шагнула через порог галереи и обернулась к Патрику: – В следующий раз не входите вообще.

– Хорошо, – смутился он, почувствовав себя нашалившим школьником.

– Так-то... – восхищенно прошептал Йоста вслед реши-

тельной Фариде.

Патрик неопределенно хмыкнул. Он скучал по Торбьёру. Ну почему мир так непредсказуемо изменчив?

К месту преступления приближался судмедэксперт.

* * *

Таблетка самарина громко зашипела, погружаясь в воду. Может, и не так громко на самом деле, но в раскалывающейся голове Эрики это было подобно Ниагарскому водопаду. Самарину предшествовали альведон и ипрен, но, как видно, они еще не успели вступить в бой. Боже мой, это в самом деле невыносимо... Даже если вина вчера было многовато, пару лет назад Эрика не ощутила бы ничего, кроме легкой пульсации в лобной части. Зато теперь в голове играл симфонический оркестр. Особенно усердствовали ударные.

Она положила самарин на место. При этом из шкафчика над кухонной вытяжкой выпала другая упаковка, на которую Эрика уставилась с угрюмым видом. Это лекарство она получила от свекрови Кристины, после многочисленных жалоб на странные ощущения в теле, которые проявились, можно сказать, внезапно. Если не за одну ночь, то, по крайней мере, за несколько дней, что, по-видимому, тоже было своего рода нормой.

Пременопауза. Одно это слово заставило Эрику содрогнуться от отвращения. Так или иначе, такой диагноз поста-

вил ей «Гугл», и Кристина с ним согласилась, после чего снабдила Эрику набором натуральных средств, якобы облегчающих дискомфорт в этом состоянии.

Эрика и сама не понимала, почему ей так неприятно думать об этом. В конце концов, не такие уж они с Патриком старые. Или все-таки... Когда же это произошло и жизнь покатила под гору? Менструации перестали быть регулярными, Эрика часто потела и не узнавала своего вечно разгоряченного тела. Что-то стало по-другому, она сама не могла уловить суть изменений.

У мужчин все проще. Они преодолевают этот рубеж без гормональных изменений, беспокоясь разве что о редющей шевелюре да лишних килограммах на талии. Но с некоторых пор Эрика стала замечать, как Патрик все больше укореняется в своих привычках, воспринимая изменения как нечто невозможное. Что это, как не признак старости?

Она убрала упаковку таблеток, обещавших гармонию в интимной жизни, обратно в шкаф. Боль в голове не прошла, но притупилась. Эрика налила себе полный стакан воды и сделала глоток, хотя не чувствовала жажды. Баланс жидкости должен быть восстановлен. Тем более что она собиралась сделать большую чашку обезвоживающего кофе, с тем чтобы посидеть с ней на веранде.

Часы без детей – подарок судьбы, который нужно использовать по максимуму. Эрика много раз слышала, что возраст «до пяти» – золотое время, которое быстро и безвозвратно

уходит и потому нужно успеть насладиться им, но никак не могла согласиться с этим. Она любила своих мальчиков до смерти, но – боже мой! – как же ей хотелось, чтобы этот беспокойный период поскорей закончился...

На застекленной веранде было холодно. Эрика включила обогреватель и завернулась в толстое одеяло, прежде чем опуститься в плетеное кресло. Только сейчас она решила подумать о том, что могло произойти в галерее. Патрик прислал короткое сообщение: «Рольф убит. Не знаю, когда буду дома». Конечно, делиться подобной информацией с женой против всех полицейских правил, но Патрик давно смотрел на Эрику как на дополнительный ресурс расследования и поэтому без опаски вводил ее в курс дела.

Она подскочила от неожиданности, когда в дверь позвонили. Сбросила одеяло и пошла открывать. На пороге стояла раскрасневшаяся Луиза.

– Даже не спрашиваю, не хочешь ли ты сегодня прогуляться. Наверное, вам с Патриком нужно отоспаться после вчерашнего. Но... ты уже на ногах! Угостишь кофе?

– Входи. – Эрика отступила в сторону, пропуская Луизу. – В котором часу ты сегодня встала?

Луиза повесила в прихожей спортивную куртку.

– Рано. Я ведь вчера не могла позволить себе дуть вино ведрами, как некоторые. Вот и выбралась сегодня прогуляться часок. Так здорово! Если совсем повезет, родители успеют позавтракать до моего возвращения. Представь только,

сегодня я прошла целую милю!

Ответить на это Эрика могла только неопределенным мычанием. Тошнота подступила к горлу при одной мысли об утреннем моционе.

– У тебя нос зеленый, – заметила Луиза. – Похмелье? Кстати, где Патрик?

Луиза оглядела гостиную и кухню. Эрика поняла, что подруга проходила мимо отеля до того, как обнаружили тело. Можно ли ей об этом рассказать? Хотя Луиза все равно обо всем узнает, как только вернется в отель.

Эрика не спеша наполнила свою чашку и подала Луизе ее черный. Сама она никогда не понимала, как можно пить кофе без хорошей порции жирного молока.

– Пойдем посидим на веранде.

– Сегодня плохой обзор, – сказала Луиза, вглядываясь в оконное стекло. – Обычно с веранды видно море, но только не при таком тумане, который все сгущается.

– Да, погода не радует.

Эрика потягивала кофе и думала о том, как преподнести Луизе последние новости. Она не знала, насколько хорошо та была знакома с Рольфом Стенкло, но Луиза близка к Элизабет и Хеннингу и работает с Хеннингом, а тот, в свою очередь, связан с клубом «Бланш». С учетом этого, у Луизы тоже должно быть много общего с Рольфом.

– Ты не ответила, где Патрик, – повторила Луиза, давая тем самым повод к началу трудного разговора.

– Патрик на работе. Его подняли с постели... что-то случилось в галерее.

– В галерее? Где выставляется Рольф? – в ужасе переспросила Луиза. – Что там, кража со взломом? О нет, только не фотографии... Он так ждал этой выставки! Рольф с ума сойдет...

– Рольф мертв.

Это получилось жестче, чем предполагала Эрика, но может ли подобная новость прозвучать как-то по-другому? Луиза дернулась, расплескав кофе, и не сразу взяла протянутую Эрикой салфетку. Она смотрела перед собой широко раскрытыми глазами.

– Мертв? Но... почему? Инфаркт? Вивиан давно беспокоил его вес. Да... такое всегда случается неожиданно...

– Его убили.

Луиза продолжала смотреть на Эрику. Затем медленно поставила чашку на стол и принялась вытирать растекавшееся кофейное пятно на светлых тренировочных брюках.

– Мне нужно в отель.

Она резко вскочила с кресла. Молча прошла через гостиную, сняла куртку с вешалки в прихожей и исчезла за дверью.

* * *

– Мартин! – позвал Йоста со ступенек у входа в галерею.

Мартин Мулин быстро приблизился и вопросительно посмотрел на пожилого полицейского, прислонившегося к перилам.

– Жена потерпевшего, – Йоста кивнул в сторону женщины с длинной светлой косой и в объемном кардигане, остекленевшими от ужаса глазами следившей за происходящим вокруг. – Можешь с ней поговорить?

– Да, конечно. – Мартин подошел к Вивиан, пытаясь срочно войти в роль полицейского. Он оставил Метте, Туву и маленького Йона за столом, когда позвонил Йоста.

Иногда бросок бывает слишком резким.

– Мартин Мулин, полиция Танумсхеде. Вы действительно замужем за Рольфом Стенкло?

Вивиан кивнула.

– Я слышала, его обнаружили мертвым в галерее... – неуверенно начала она. – Но... это ведь неправда?

Вивиан остановила на нем полный надежды взгляд, но Мартину нечем было ее утешить. Йоста звонил ему по дороге и все подтвердил.

– К сожалению, Рольфа Стенкло опознали. Здесь не может быть никаких сомнений.

Вивиан задрожала всем телом и как будто вот-вот была готова упасть.

Он осторожно взял ее под руку.

– Почему бы нам не пройти в тепло?

Бережно поддерживая Вивиан, Мартин направился к входу в «Большой отель». Две женщины за регистрационной стойкой стихли при их приближении. Они избегали смотреть на Вивиан Стенкло. Новость быстро распространилась. Скоро о случившемся будет знать вся Фьельбака.

– Можно кофе? – спросил Мартин.

– Кофе в зале, только налейте, – ответила одна из женщин.

Спускаясь по лестнице в зал, он еще крепче сжал руку Вивиан. Там заканчивали убирать после завтрака. Мартин усадил Вивиан за одним из столиков у окна, выходящего на гавань, и налил кофе себе и ей.

– Молоко?

Она молча кивнула.

– Выпейте, это вас согреет.

Мартин смотрел на женщину напротив. Он сам потерял жену, пусть из-за болезни, и мог в значительной степени понять, что чувствовала сейчас Вивиан.

Она послушалась его, глядя в туман, окутавший площадь Ингрид Бергман. Там уже собрались любопытные. В маленьких городках «скорая» и полицейские автомобили привлекают куда больше внимания, чем в мегаполисах, где они – обычное явление.

– Когда вы в последний раз видели Рольфа?

Мартин попробовал из чашки и поморщился. Похоже, кофе слишком долго стоял на плите на барной стойке и поэтому отдавал горелым. Немногим лучше того, что продают на вокзалах.

– Вчера днем, – ответила она. – Мы... поссорились.

– Из-за чего?

Вивиан тряхнула головой, так что растрепанная коса зашевелилась.

– Так, пустяки. Из-за глупости... – Она дрожащей рукой отвела от лица выбившуюся прядь волос.

– Из-за какой глупости вы поссорились? – повторил Мартин. – Я прошу прощения, если мои вопросы покажутся навязчивыми или бестактными. К сожалению, моя работа состоит в том, чтобы задавать даже самые неудобные вопросы, чтобы прояснить ситуацию. Любой «пустяк», как нам сейчас кажется, может иметь решающее значение.

– Это так, – вздохнула Вивиан, глядя в чашку и как будто не понимая, что в ней. – Мы поссорились из-за вчерашнего праздника. Наши друзья, Элизабет и Хеннинг Бауэр отмечали в этом зале золотую свадьбу, и по какой-то непостижимой причине Рольф не захотел идти. За меня он, как обычно, тоже все решил. Но на этот раз я уперлась. Позвонила Луизе... это невестка Элизабет и Хеннинга, она при Хеннинге что-то вроде секретаря и все здесь организовывала... Так вот, я спросила Луизу, можно ли в последнюю минуту переиграть и что если я буду на вечере одна? Луиза пошла мне

навстречу. Вдобавок в знак протеста я сняла в отеле номер. Думала, что Рольф, оставшись один, задумается и... осознает свою ошибку...

Вивиан закрыла лицо руками. Мартин смотрел на вздрагивающую в рыданиях женщину. Примерно через минуту она подняла лицо. Но смотрела не на Мартина, а опять за окно, в туман.

Мартин прокашлялся.

– То есть после вашей... ссоры вы больше его не видели и не разговаривали с ним?

Вивиан покачала головой, не отводя глаз от окна.

– Нет, я ведь обиделась. Но сегодня утром от него не было эсэмэски, и это меня насторожило. Поругались мы или нет, всегда, если мы проводили ночь порознь, Рольф утром отправлял мне сообщение. А сегодня ничего такого не было.

Ее взгляд как будто скользнул по площади, и Мартин посмотрел туда же. Вчерашний шторм успокоился, но лучше уж белые барашки на гребнях волн и бьющая в причалы вода, чем это тоскливое серое затишье.

Он на мгновение отвлекся от Вивиан и подумал о том, как продвигаются работы по укреплению поселка. Фьельбака выстроена на глине, и ей, как и некоторым другим населенным пунктам бохусленского побережья, угрожают оползни. Отчасти это связано с изменением климата и повышением уровня моря, но Мартина поразило, как редко он задумывается о таких вещах. Чаще бывает занят протечками

воды в собственной квартире. Между тем ледники тают, и суша медленно поглощается Мировым океаном. Но в голове не остается места осознанию этого факта.

– То есть вы не знаете, как долго Рольф пробыл в галерее. Когда должна была открыться выставка?

– Завтра, в понедельник. Рольф долго готовился. Почти неделю на месте и до этого полгода дома, в Стокгольме. Отобрал снимки по теме – только платиновая печать.

– Платиновая печать? – Мартин смотрел на Вивиан озадаченно.

Раньше он никогда о такой не слышал. Хотя, в общем, мало что знал о фотографии. Снимал на смартфон дочь Туву, Метте и ее маленького Йона – вполне сносно на дилетантский вкус. На последнем снимке Тува держала руку на животе Метте. Мартин невольно сглотнул, вспомнив о них.

– Я не специалист, но за годы работы с Рольфом набралась кое-каких слов, – сказала Вивиан. – Это способ печати снимков, при котором используются драгоценные металлы – платина и палладий. Выходит недешево, но качество изображений уникально.

– То есть снимки в экспозиции представляют собой большую ценность? – Нахмурившись, Мартин подался вперед. Важная информация. Такой поворот увеличивал вероятность кражи со взломом.

– Ценность, да. Но не только из-за технологии печати. Рольф был мастером мирового уровня. Оригиналы его работ

продаются за сотни тысяч крон на аукционах и в галереях по всему миру.

– Это впечатляет... Простите мое невежество.

– Ничего страшного. Конечно, об этом знают не все.

Тут Вивиан улыбнулась, впервые за время их разговора. Ее напряженное лицо расслабилось, и Мартин вдруг оценил своеобразную, хрупкую красоту этой женщины.

– Но ведь наверняка многие догадывались о ценности снимков в галерее?

– Да, объявления о том, что Рольф будет выставляться, висели по всему поселку, да и по всему побережью. Но до вчерашнего дня никаких фотографий в галерее не было. Я заходила туда. Сначала Рольф всегда работает с пустыми рамками, в которых ничего нет, кроме названия снимков. Развешивает их по стенам, меняет местами... Обычно приходится пересмотреть множество вариантов, прежде чем остановиться на лучшем. При этом ему не нужно подглядывать в оригиналы: все снимки у него в голове.

– Он как будто снимал... природу? – нерешительно спросил Мартин.

– Природу и людей в естественной среде. Самые известные снимки были сделаны на острове Борнео, где Рольф около года прожил в племени пенан.

– А эта выставка? Какова ее тема?

Мартин проникся невольным уважением к Рольфу Стенкло. Он всегда восхищался увлеченными чудаками, каким,

все сомнения, был фотограф, ради любимого дела год проживший среди людей каменного века в Юго-Восточной Азии.

Вивиан покачала головой.

– Странно, но о последней выставке я почти ничего не знаю. Рольф всегда показывал мне фотографии, но только не в этот раз. Он что-то говорил о том, что тема связана с его прошлым. И на стенах, насколько я помню, было пятнадцать рамок.

– У него были враги?.. Возможно, «враг» звучит слишком драматично. Я имею в виду... мог ли кто-нибудь желать Рольфу зла?

Вивиан энергично замотала головой:

– Нет, его любили все. У Рольфа не было врагов.

– Хорошо. Если вспомните что-нибудь, что может иметь значение для следствия, просто свяжитесь с нами. Вот мой телефон.

Мартин протянул Вивиан визитную карточку, которую она спрятала в кармане своего кардигана.

– Когда... мне его отдадут?

Вивиан произнесла эти слова, и осознание случившегося поразило ее с новой силой. Лицо сморщила гримаса боли.

Мартин взял ее руку.

– Мы постараемся не задерживать дольше необходимого... И на сегодня достаточно, как мне кажется. Если оставите свой телефон, буду благодарен. У вас есть кто-нибудь,

с кем можно пожить первое время, чтобы не оставаться одной?

Вивиан кивнула. Дала ему свой номер и встала.

– Мне пора собираться, – сказала она и, не простившись, направилась к регистрационной стойке.

Мартин проводил ее долгим взглядом. Иногда чужого горя бывает больше, чем можно вынести. У него была Тува, которая слишком напоминала о Пие. Он унаследовал дом своей мечты, а всего пару месяцев назад они с Метте узнали, что ждут первого общего ребенка. Но встречи вроде этой, с Вивиан, напоминали, как легко смерть может все разрушить.

* * *

– Что скажете?

Патрик следовал за Фариде Мирзой, которая быстро возвращалась к своей машине, на ходу снимая перчатки.

Подойдя к машине, она занялась защитным костюмом, который нужно было аккуратно сложить в сумку. Фариде не торопилась и как будто не обращала внимания на нетерпение Патрика, переминавшегося рядом с ноги на ногу.

– Кто-то выстрелил Рольфу Стенкло в затылок из пистолета для забивания гвоздей, – наконец ответила она. – Мы обнаружили на рукоятке волокна ткани.

– Сколько времени займет анализ?

Ответ на этот вопрос был предсказуем:

– Трудно сказать. Лаборатория сейчас перегружена.

– Еще следы были?

– Немного. Конечно, в зале полно отпечатков, как и в любом общедоступном месте. Нам предстоит искать иголку в стоге сена, но мы сделаем все возможное.

Патрик раздраженно посмотрел на толпу любопытных за ограждающей лентой. Стервятники... Но со стороны площади к галерее быстро приближалась подруга Эрики Луиза. Патрик дал знак коллегам в форме ее пропустить. Луиза помахала ему рукой и побежала к отелю.

– Можете сказать хотя бы приблизительно, когда умер Рольф Стенкло? – спросил он Фариде.

Та пожала плечами.

– Окончательный ответ будет позже. Но если вас интересует предварительная оценка судмедэксперта, то где-то около полуночи, плюс-минус час.

– То есть позже судмедэксперт сможет сказать более точно?

Хедстрём смотрел на окна гостиницы. Получается, Рольф был убит, когда сам Патрик находился всего в нескольких метрах от него...

– Позже, не сейчас.

– Что ж, будем довольствоваться тем, что имеем.

Патрик коротко кивнул. Он ничего не имел против Фариде лично, но к манере Торнбьёрна общаться на месте преступления привык за долгие годы совместной работы. То,

что происходило сейчас, было... просто ново.

– Надеюсь на плодотворное сотрудничество. Торнбьёрн передает вам привет из Торревьехи, – сказала Фариде, как будто услышав его мысли. – Моим коллегам понадобится еще пара часов, чтобы закончить.

– Дайте знать, если найдете еще что-нибудь.

Патрик взмахом руки позвал Йосту и Мартина и, когда они подошли, показал на окна «Большого отеля».

– Возможно, Рольфа убили в самый разгар вечеринки. Я был там. Мы должны опросить гостей. Если в нужный момент кто-то из них вышел покурить или посмотрел в окно... он мог увидеть что-нибудь интересное. Мартин, ты говорил с его женой. Есть что-нибудь?

– Фотографии, которые Рольф собирался выставить, представляют собой большую ценность. То есть это могла быть неудачная попытка ограбления. Пятнадцать снимков, каждый по несколько сотен тысяч крон. Куча денег.

– Продать такое непросто. Но мы можем иметь дело с неопытным или глупым грабителем, что бывало не раз. Наконец есть черный рынок, где покупатели не задают слишком много вопросов. Хорошая идея, Мартин. Здесь есть от чего оттолкнуться. Я поговорю с Луизой Бауэр, организатором праздника. Попрошу список гостей с номерами телефонов. Нам придется обзвонить их всех, только так и можно управиться в разумные сроки.

– Мы с Йостой возвращаемся в отделение. Ты придешь,

когда получишь список? – спросил Мартин, поднимаясь по Галербакену к своей машине, припаркованной возле церкви.

Но Патрик только поднял вверх большой палец. Он уже входил в отель.

* * *

– Элизабет? Хеннинг? Вы уже встали?

Луиза тяжело дышала перед дверью гостиничного номера Бауэров. Задержала воздух в легких, чтобы успокоить дыхание. Снова постучала. За дверью послышались шаги, а потом появился Хеннинг.

– В чем дело? – недовольно спросил он, завязывая пояс гостиничного халата.

По его мокрым волосам Луиза поняла, что Хеннинг только из душа. За его спиной стояла Элизабет, тоже с мокрыми волосами. Похоже, Луиза прервала совместное купание супругов в бирюзовой спа-ванне, какие, насколько она знала, имелись в номерах «люкс».

– В чем дело? – повторила за мужем Элизабет.

Бауэры удивленно смотрели на Луизу. Та сделала еще несколько глубоких вдохов, а затем сказала:

– Рольф мертв. Убит.

Элизабет громко охнула. Лицо Хеннинга потеряло всякий цвет. Он жестом пригласил Луизу войти и запер за ней дверь. Луиза опустилась на маленькую кушетку под лестни-

цей. Хеннинг и Элизабет остались стоять. Вокруг Хеннинга уже образовывалась небольшая лужа, но он как будто ничего не замечал.

– Я сама только что узнала. Полиция уже там.

– В галерее? – Элизабет подошла к окну и, вытянув шею, посмотрела вправо.

– То есть он был убит в галерее? – эхом повторил Хеннинг.

– Да, похоже, – ответила Луиза.

Она разглядывала свои руки, все еще красные от холода после прогулки, и была удивлена, что они не тряслись. Они должны были трястись, потому что изнутри Луизу как будто била лихорадка.

– Я оденусь, – Хеннинг направился к лестнице.

Элизабет медлила и встретила взглядом с Луизой, как будто хотела что-то сказать. Но потом поплотней закуталась в халат и последовала за мужем наверх.

* * *

– Луиза! – закричал Патрик.

– О, здравствуй, Патрик. – Луиза быстро спустилась к нему в холл. – Я слышала про Рольфа... Эрика рассказала.

Она смутилась, как будто боялась подставить Эрику, которая, возможно, не должна была делиться с ней тайнами следствия. Но Патрик успокаивающе улыбнулся.

– Мне нужно поговорить с тобой, – сказал он, показывая

на зал.

Они устроились за столиком у стены.

– Подумать только, они уже успели всё убрать, – вздохнув, заметил Патрик. – Кстати, спасибо за вчерашний вечер.

– Это вам с Эрикой спасибо, – механически отозвалась Луиза. – Так о чем ты хотел со мной поговорить?

Она решительно перешла к делу, но Патрик видел, что Луиза в шоке.

– О списке гостей. Мы полагаем, что Рольфа убили во время праздника. Поэтому придется связаться со всеми гостями, чтобы узнать, не видел ли кто-нибудь из них что-нибудь интересное.

– Ясно. Дай мне свой электронный адрес. Я отправлю тебе список, как только доберусь до компьютера.

– Номера их телефонов нам тоже понадобятся.

– В списке есть не только номера телефонов, но и домашние адреса, и электронная почта каждого гостя.

– Отлично! Это то, что нам нужно.

Он заметил кофейник на барной стойке, но тот, к разочарованию Патрика, оказался пуст. Хедстрём промерз до костей и уже чувствовал боль в суставах. Он надеялся, что это не более чем игра воображения, недаром Эрика называла мужа ипохондриком. А если все-таки возраст?

– Что тебе еще известно об этом? – Луиза с надеждой смотрела на Патрика.

Он покачал головой.

– Я не могу комментировать расследование. Скажу только, что мы пока в самом начале. Так что мне известно немногим больше, чем тебе.

– Рольф был хорошим человеком, – задумчиво проговорила Луиза. – Он и его покойная жена Эстер тесно общались с Элизабет и Хеннингом. Я не знала Эстер, она умерла много лет тому назад от рака. Но Вивиан мне очень нравится. Как она? Ты говорил с ней?

Луиза провела рукой по столешнице, смахнув крошки, оставшиеся после завтрака.

– Мы говорили, – кивнул Мартин. – Конечно, она в шоке.

– Да, – прошептала Луиза и замолчала.

Группа немецких туристов вошла в зал, громко разговаривая, но, увидев пустые столы, снова направилась к выходу. До Патрика долетело слово *polizei*.

Когда у Луизы зазвонил телефон, оба от неожиданности подскочили.

– Ничего, если я отвечу? – Она запустила руку в карман спортивной куртки.

– Ответь, конечно.

– Луиза Бауэр. Да... Нет, комментариев не будет... Нет. Я сама только узнала... Да, понимаю, но единственное, что я могу сказать на данный момент, – «без комментариев».

Она дала отбой и сердито покачала головой.

– Пресса? – равнодушно спросил Патрик.

– Да, «Гётеборг постен». Как они могли так быстро про-

нюхать? Хотя иногда люди звонят им, чтобы получить деньги за информацию...

– И не обязательно деньги. Некоторым достаточно увидеть в газете заметку, состряпанную с их подачи... – Патрик пожал плечами. – Странно все-таки.

Как полицейский, он давно перестал возмущаться бесчувственностью публики. Сострадание нынче не в моде, если оно, конечно, вообще когда-нибудь было в моде. Оставалось надеяться, что команда Фариде управится раньше, чем журналисты прорвутся за заградительную ленту. Никогда не знаешь, чего от них ожидать.

– С Элизабет и Хеннингом я тоже хотел бы поговорить. – Патрик как мог смягчил интонацию, и все-таки сумел сделать так, чтобы это прозвучало скорее как приказ, чем просьба. Бауэры много общались с Рольфом и могли вместе с Вивиан предоставить важные сведения.

Луиза кивнула.

– Они еще в отеле, собирают вещи. Я им позвоню.

– Спасибо, – Патрик поднялся.

Они направлялись к выходу, когда в зал вносили полный кофейник. Типичная для него ситуация.

* * *

– Журналисты с ума посходили!

Анника, секретарь полицейского отделения, показывала

на телефон. На ее лице выступили красные пятна.

– Говори, что на данный момент без комментариев, но мы обязательно созовем пресс-конференцию. – Мартин оглянулся на Йосту, как бы в надежде получить одобрение коллег. – Где Мельберг?

– Едет сюда. Они с Ритой и внуками были в сауне в Стрёмстаде, но он сказал, что выезжает срочно. Паула здесь, она в своем кабинете.

– Спасибо.

Опережая Йосту, Мартин зашагал по коридору. С его точки зрения, они не много потеряли бы, если б Мельберг оставался в бассейне в Стрёмстаде. Удивительно только, как его вернули в кресло начальника отделения после фиаско в Танумсхеде чуть меньше года назад¹⁰. Похоже, в Гётеборге он нужен еще меньше. Это единственно возможное разумное объяснение.

– Здравствуй, Паула.

Мартин встал в дверях кабинета Паулы Моралес, а Йоста пошел дальше, к себе. У Паулы по-прежнему был самый маленький кабинет, какие обычно дают недавно поступившим сотрудникам. Но она не жаловалась и сумела навести у себя порядок, в отличие от Мартина, чей кабинет всегда выглядел как после хорошей кражи со взломом.

– Здравствуй, Мартин. Как Метте?

Мартин поморщился. Сегодня утром Метте бросилась к

¹⁰ Об этом рассказывается в романе К. Лэкберг «Ведьма».

туалету, как только он включил кофеварку.

– Так себе. Ее рвало как теленка весь день и большую часть ночи. Если это продолжится, придется ставить капельницу.

– Вот черт... – Паула озадаченно нахмурила лоб. – Кстати, почему говорят «рвет как теленка»? Разве телята страдают рвотой?

Мартин задумался и покачал головой. У него не было ответа на этот вопрос.

– Понятия не имею. Просто так говорят.

– Поскольку мне больше нечем было заняться, я стала читать о Рольфе Стенкло, – сказала Паула. – У тебя есть что-нибудь для меня? Когда придет Патрик?

– Скоро должен быть. Нам нужно получить список гостей, это наши потенциальные свидетели. Да и пресса уже наседает. Анника отбивается от них на ресепшне.

– Да, я слышала. Быстро они пронюхали...

– Кстати, Торнбьёрн вышел на пенсию.

– Торнбьёрн, криминалист? И как это пережил Патрик?

В последнее время Хедстрём все болезненнее воспринимал любые изменения, и это стало предметом шуток между Паулой и Мартином.

– Тяжело, полагаю. Теперь вместо Торнбьёрна женщина, относительно молодая. Фариде, кажется.

– Относительно молодая – это как? – Паула рассмеялась.

Мартин покраснел:

– Ну, лет тридцать пять – сорок.

– То есть я, по-твоему, относительно молодая?

– Д-да... ты молодая, – Мартин покраснел еще больше. –

Я вот, выходит... тоже молодой.

Улыбка Паулы стала шире.

– Ты никогда не состаришься, Мартин.

Он понял, что она имела в виду – его рыжие, вечно взлохмаченные волосы и веснушки, делавшие Мартина похожим на мальчика с тюбика «Каллес кавиар»¹¹. Иногда это работало на него, но чаще против, поскольку плохо сочеталось с общепринятым представлением о серьезном, авторитетном полицейском.

Засигналил мобильный – эсэмэска от Патрика. Мартин прочитал ее и поднял глаза на Паулу:

– Патрик приедет, как только переговорит с виновниками вчерашнего торжества. Это ближайшие друзья жертвы. Но он получил список гостей и переслал нам.

Паула кивнула и включила компьютер.

– Да, список уже висит у меня в почте.

– Отлично. Можешь распределить фамилии между мной, собой и Йостой? Тогда мы сможем начать.

Мартин тяжело вздохнул и направился в свой кабинет. Что там еще скажут с похмелья эти потенциальные свидетели...

¹¹ Икра для бутербродов.

Рикард Бауэр проснулся с неприятным чувством, будто забыл что-то важное. Собственно, для него это было обычное чувство, но сегодня оно переживалось особенно тяжело.

Он ощупал правую сторону кровати, где обычно спала Тильда. По какой-то необъяснимой причине Рикард бывал страшно похотлив с похмелья. Тильде ничего не нужно было делать, просто лежать – у него трещала голова и без ее резких движений.

Но ее сторона была пуста.

– Тильда?

Вместо ответа – шум воды в ванной. Она моется. Рикард снова зарылся в подушки. Воспоминания о вчерашнем вечере промелькнули и опять ускользнули из сознания. Ловить их все равно что собирать туман горстями. Рикард услышал, как Тильда вышла из ванной. Отлично. Значит, теперь она ему поможет...

– О, ты проснулся.

Все надежды рухнули, как только он услышал этот тон.

– Да... – медленно ответил Рикард, в надежде получить объяснения.

Наверное, лучше было бы и дальше оставаться в неведении, но такое состояние не может продолжаться вечно. Это все равно что знать, что за углом тебя подстерегает граби-

тель.

– Ты чем-то расстроена?

Тильда демонстративно вздохнула и вытерла полотенцем волосы. Она была голая. Похотливость Рикарда боролась с отупляющей тяжестью похмелья, но сигналы о том, что что-то не так, похоже, еще не достигли его члена.

– Черт возьми, что ты о себе думаешь?! Ты опозорил вчера всех нас – и себя, и меня, и родителей! Это и в самом деле очень больно, неужели ты не понимаешь? Твои родители празднуют золотую свадьбу, а ты при гостях ругаешь отца... Ты перечислил все свои обиды за эти двадцать минут! И сделал это именно сейчас, когда нам больше всего нужна помощь твоей матери. Думаешь, после этого мы можем на нее рассчитывать, да? И по чьей же милости мы увязли в этом дерьме, как ты считаешь?.. По твоей.

Под потоком брани Тильды член ослаб, и Рикард в отчаянии сел на кровати, прислонившись к спинке.

– В дерьме? – переспросил он. – А как же все твои путешествия – в Дубай, Париж, на Ибицу? Ты так любишь строить из себя великосветскую даму – за чей счет, позволь спросить? Но стоит чуть перемениться ветру – и вот уже я во всем виноват... Это справедливо, ты считаешь?

Тильда молчала. Рикард раздраженно перекинул ноги через край кровати и сунул в гостиничные тапочки. Член определенно получил сообщение и окончательно сник.

– Ладно, вчера это было лишним, но старик все заслужил.

И я готов подписаться под каждым своим словом, что бы я там ни говорил. В конце концов, мать – не единственный наш вариант. И я еще сумею на нее налечь, не переживай. Я делал кое-что и похуже вчерашнего, и она всегда прощала. – Он натянул джинсы и футболку. – Я ее любимчик.

– Да, и это самое странное, – пробормотала Тильда, но выражение ее лица смягчилось.

– Меня невозможно не любить, – Рикард улыбнулся самой очаровательной своей улыбкой.

Тильда фыркнула, но просветлела.

Рикард притянул ее к себе, чувствуя, что член снова оживился...

* * *

После того как Луиза спешно ушла, Эрика еще оставалась на веранде. Туман снаружи не развеивался, но таблетки уже начали действовать. И по мере того, как отпускала головная боль, Эрика все больше погружалась в размышления о событиях вчерашнего вечера. Что там говорила Вивинан? В прошлом Рольфа есть какое-то загадочное убийство? Полная решимости, Эрика вышла в прохожую, надела куртку от «Хелле Хансен» и шапку. С похмелья она мерзла больше обычного, поэтому, немного подумав, сунула в карман пару перчаток.

Эрика знала этот дом в Сельвике. Ничто не остается не за-

меченным на их побережье. Через пару сотен метров она стала задыхаться и умерила шаг. Легкие были готовы взорваться. Как видно, прогулки с Луизой еще не возымели должного эффекта.

Наконец впереди показалась маленькая желтая избушка. Отсюда открывался фантастический вид на залив, но только не сегодня, когда весь мир погрузился в мутную, серую жижу.

Неуверенность Эрики росла по мере приближения и достигла пика у двери. Она занесла руку и остановилась в нерешительности, не имея ни малейшего представления ни о самочувствии Вивиан, ни о том, дома ли та вообще. Но рука, как видно, приняла решение за Эрику и уверенно забарабанила по дереву.

Эрика отступила на шаг и стала ждать. Тишина – неужели и в самом деле никого? Потом послышались медленные шаги. Дверь открылась, и на пороге возникла Вивиан.

– Входите, – пригласила она, как будто ждала Эрику, и отошла в сторону.

Притолока была такой низкой, что Эрике пришлось пригнуться, хотя без обуви ее рост был не выше 168 сантиметров.

– Кофе у меня нет. Только чай, – беззвучно сказала Вивиан.

Эрика последовала за ней на крохотную кухню, интерьер которой, похоже, не обновлялся с пятидесятих годов.

– Ройбуш?

– Это было бы хорошо.

Эрика собиралась сесть за шаткий стол с потертой скатертью, но Вивиан остановила ее:

– Идите на веранду. Там светлее. Сейчас я принесу чай.

Эрика села в одно из плетеных кресел на веранде и подумала о том, что этот дом сдастся приезжим и нет постоянного хозяина, чтобы заняться им всерьез. Наверняка его скоро продадут – немцам или норвежцам, которые всё здесь обновят и сделают ремонт. Может, Анна получит заказ... Она единственный в округе дизайнер по интерьерам.

Легкий скрип половиц объявил о приближении Вивиан с дымящимся чаем и сахаром в маленькой фарфоровой мисочке, которую она поставила на стол вместе с чашками.

– Возьмите. Может, молока?

– Нет, просто с сахаром будет хорошо.

Эрика дождалась, пока Вивиан сядет, и тихо спросила:

– Как вы?

Вивиан покачала головой.

– Я говорила об этом с полицейским и больше не выдержу, извините. Ни слова о смерти Рольфа. Но я могу рассказать о его жизни. Вы ведь за этим ко мне и пришли, да?

Эрика кивнула.

– Вчера за столом вы упомянули какое-то загадочное убийство, связанное с прошлым Рольфа...

– Признаюсь, я рассчитывала вас этим заинтересовать.

Думала сделать дополнительную рекламу выставке Рольфа.

– Мне действительно стало любопытно. Уверены, что можете говорить об этом сейчас?

Эрика сглотнула. Вот опять: она навязалась женщине, только что потерявшей мужа... «Ты умеешь выбрать время» – так говорит об этом Патрик.

Вивиан протянула руку, покрытую возрастными пигментными пятнами, и похлопала Эрику по руке.

– Я действительно не знаю, что должно было быть на этой выставке Рольфа. И то же говорила тому странному молодому полицейскому в отеле. Но несколько лет тому назад, в Стокгольме, я как-то застала Рольфа с фотографией Лолы...

– Кто такая Лола?

Эрика глотнула чая, в котором, помимо ройбуша, чувствовался привкус имбиря. Очень удачно. Она добавила еще кусочек сахара и перемешала.

– Лола – подруга молодости Рольфа. Я не так много о ней знаю. Рольф почти не рассказывал об этом периоде своей жизни. Обмолвился только как-то, что она жила в Васастане с дочерью и будто бы их убили. Они сгорели в своей квартире, а убийцу так и не нашли.

– Ужасно...

Вивиан трогала пальцем свою чашку, но не пила.

– Ужасно, да. Думаю, это событие как-то повлияло на них всех.

– На них?

Вивиан вздрогнула.

– Я имею в виду Рольфа и его друзей – Хеннинга, Элизабет, Уле и Сюзанну. Иногда я спрашиваю себя, не это ли заставило их открыть клуб «Бланш»?.. – Она покачала головой и тихо добавила: – Простите мою старческую болтовню.

– Как фамилия Лолы? – спросила Эрика. – И... о каком времени мы говорим?

Вивиан кивнула.

– Думаю, где-то начало восьмидесятых. Фамилии ее я не знаю. Помню только, Рольф говорил, будто у дочери было прозвище, что-то вроде Мими или Лили... Но я могу показать вам ее фото. Я говорила, что оно висит на стене в нашей спальне?

Вивиан запнулась на слове «нашей» и вся сникла. Сузила глаза и несколько секунд смотрела перед собой. Потом встала.

– У меня есть номер журнала «Красивый дом» с репортажем о нашей квартире. Это то немногое, что я успела сделать для Рольфа. Он знал, сколько сил и времени я положила на обустройство нашего жилища, поэтому и согласился, хотя в глубине души ненавидел все это. Журнал у меня на тумбочке в спальне, сейчас принесу.

Вивиан вошла в дом, а Эрика перевела взгляд на окутанное туманом море и отпустила мысли. В этот момент она почувствовала, что рассказ Вивиан пробудил в ней писателя. Когда половицы снова зашуршали, вскинула голову. Вивиан

вернулась на веранду с журналом в руке.

– Вот, здесь можно увидеть этот снимок.

Эрика взяла интерьерный журнал. На одном из снимков спальни Рольфа и Вивиан на стене хорошо просматривалась черно-белая фотография. Совсем небольшая, но Эрика отчетливо видела красивую женщину с длинными распущенными волосами и безупречным макияжем. Прозрачная блузка на ней была расстегнута, так что открывался вышитый бюстгальтер.

Эрика внимательно разглядывала фотографию. Что-то в облике Лола ее настораживало. Наконец она увидела, что лифчик был на набивке.

– Лола была мужчиной? – спросила Эрика.

Вивиан пожала плечами и села.

– Она была красивой. По крайней мере, судя по этому снимку, на котором я ее только и видела. «Невинность» – так Рольф назвал эту свою работу.

– То есть больше вы о ней ничего не знаете, кроме того, что ее звали Лола и она жила в Васастане? И что она и дочь были убиты... – понизив голос, добавила Эрика.

– Да, к сожалению. Рольф никогда об этом не говорил, но я видела, что эта смерть не прошла для него даром. Мы прожили вместе почти двадцать лет и научились читать друг друга. Лола много для него значила.

– Как вы думаете, почему он назвал этот снимок «Невинность»?

Эрика продолжала внимательно разглядывать Лолу. Писательница в ней оживилась. Она ухватила историю – с этого начинались почти все ее книги. С человеческой судьбы, желания узнать, что произошло, и вникнуть в это глубже... Женщина и ее дочь были убиты, преступники остались безнаказанными – эту несправедливость Эрике нужно было исправить.

– Не знаю, – ответила на ее вопрос Вивиан. – Как я уже сказала, Рольф не особенно делился со мной своими секретами.

– И вы его не расспрашивали?

Вивиан криво улыбнулась.

– Он был художник. Творец. Я приучилась мириться с его капризами. Много времени прошло с тех пор, как я перестала задавать вопросы. Но всегда думала о Лоле.

– Вы и меня ею заинтересовали, – сказала Вивиан. – Посмотрю, что еще можно узнать о Лоле и обстоятельствах ее смерти. Могу я позвонить вам или зайти, если откроется еще что-нибудь интересное? Вы еще долго здесь пробудете?

Женщина в кресле напротив вдруг будто ссохлась. Эрика хотела обнять ее, но не была уверена, как Вивиан воспримет этот жест.

– Я... не знаю. Мы сняли этот дом на месяц, но я не останусь здесь так долго. Хотя... мне нужно знать, когда мне отдадут Рольфа... – Ее голос дрогнул.

– У вас есть кто-нибудь, кто мог бы побыть это время с

вами?

Вивиан медленно кивнула.

– Хеннинг звонил и сказал, что я могу несколько дней пожить на их острове. Думаю согласиться, пока ситуация не прояснится.

– Звучит разумно. – Эрика поднялась со стула, довольная, что Вивиан не останется наедине со своим горем. – Спасибо. А я намерена узнать больше о Лоле.

– Держите меня в курсе, – хрипло напутствовала ее Вивиан. – Конечно, я не могу знать этого наверняка, но что-то мне подсказывает: это именно то, чего хотел бы Рольф.

Эрика возвращалась домой в глубокой задумчивости. Поднимаясь по склону, она обернулась. Вивиан все еще стояла на веранде маленького желтого дома и смотрела в туман.

* * *

– Я вызвала морское такси, – сказала Элизабет. – Нас заберут от туристического бюро через четверть часа.

– Отлично... – Хеннинг укладывал вчерашние праздничные туфли поверх одежды в сумке и слушал жену вполуха.

– Ты испачкаешь одежду, – Элизабет кивнула на сумку. – Заверни их во что-нибудь.

– Сейчас это имеет какое-то значение? – рассеянно переспросил Хеннинг.

– Нет, никакого, – вздохнула Элизабет.

– Я пригласил Вивиан, Уле и Сюзанну к нам на остров на несколько дней.

– С какой стати?

Хеннинг сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить дыхание, потом подпер дверь в коридор своей сумкой и собрал остальной багаж.

– Не пригласить Вивиан просто нельзя в сложившейся ситуации, – объяснил он. – И нам нужно поговорить с Сюзанной и Уле о клубе «Бланш». Обсудить все в спокойной обстановке.

– В спокойной обстановке? – переспросила Элизабет. – Да это будет цирк! И где ты собираешься их разместить? – Она направилась мимо него к двери.

– Они могут пожить в доме Рикарда и Тильды, а те пока останутся здесь, – пробормотал Хеннинг.

Как всегда, все слишком запутанно.

– Ну ладно. Рикард был пьян и не понимал, что говорит. Он наверняка глубоко раскаивается и скоро извинится.

– Поверю, когда это произойдет.

Хеннинг закрыл дверь снаружи и запер на ключ. Они с трудом спустили багаж по лестнице. Луиза стояла возле регистрационной стойки с Люссан и Пьером и тут же бросилась навстречу родителям мужа.

– Давайте помогу.

Она взяла сумку Элизабет и отнесла ее к выходу. Потом вернулась за вещами Хеннинга.

– Я пыталась дозвониться до вас. Этот полицейский, он хочет поговорить с вами, – Луиза кивнула в сторону зала напротив регистрационной стойки.

– Морское такси прибудет через пять минут, – вздохнула Элизабет.

Хеннинг наклонился, чтобы поцеловать Люссан в щеку ижать руку Пьеру. Ему всегда нравились родители Луизы. Хорошие люди и с прекрасной родословной, чего не купишь ни за какие деньги. Это была одна из причин, почему Хеннингу всегда нравилась Луиза.

– Мы слышали... Это ужасно, – прошептал Пьер.

Он был на голову ниже Хеннинга, но спину имел прямую, словно вместо позвоночника в ней торчал стальной штырь.

– Ужасно, – согласился Хеннинг и обнял Элизабет. – Вы собираетесь вернуться в Сконе?

– Нет, пока останемся здесь, у хороших знакомых, – ответила Люссан. – Гюгге и Йоййа, они живут над старой купальной, в Бадисе. Там чудесно... И они оказались настолько любезны, что предложили нам снять дом, как только прослышали, что мы собираемся к вам на золотую свадьбу. Сами они сейчас в Марбелье, в своем доме.

– Фантастика... – восхитился Хеннинг. – Тогда приезжайте к нам на остров на ужин. Позвоните Луизе, она все устроит. А теперь нас ждет полицейский. – Хеннинг повернулся в сторону зала.

– Как это все ужасно, – повторила за мужем Люссан.

Ее тщательно уложенная стрижка «под мальчика» была так обильно покрыта лаком, что почти не шевелилась, когда Люссан качала головой.

– Ты удержишь нашу лодку, Луиза?

Та кивнула. Хеннинг бережно взял жену за руку и повел в большой зал. Там за одним из столиков в одиночестве сидел серьезный темноволосый мужчина. Хеннинг сразу понял, что это тот, кто им нужен.

– Патрик Хедстрём, полиция Танумсхеде, – коротко представился мужчина.

Присаживаясь к нему за столик, Хеннинг взглянул на часы. Это не должно было занять много времени. Ему не терпелось вернуться на свой остров.

Стокгольм, 1980 год

Сегодня Пютте решать, чем им заниматься. Вообще, папа часто дает ей такую возможность, и Пютте всегда выбирает одно и то же – детский парк в Васастане. Это совсем недалеко от их дома, и Пютте играла там уже когда была совсем маленькой.

В парке много детей и мам, но ни одна мама не одета так хорошо, как Лола. Все они носят скучную серую одежду. Или коричневую. Ни у кого нет таких красивых платьев, как у папы. И таких роскошных волос.

Не одна Пютте любит это место. Многие мамы с детьми часто здесь гуляют, и папа знакома с большинством мам в парке. Кое-кто из детей первое время глазел на папу. К особо любопытным Пютте могла подойти, заглянуть в глаза и сказать: «Рот закрой, ворона влетит». После этого они тут же отходили. Случалось, кто-то в слезах бежал к матери. В конце концов папа запретила Пютте эту шутку.

– Они ведь не виноваты. Кто-то что-то сказал дома, а потом им стало любопытно... Постарайся быть с ними дружелюбной.

Пютте послушалась. Она не хотела ни в чем перечить папе. Просто не могла понять, как можно научить человека вести себя прилично, оставаясь дружелюбной.

– Какая она стала большая!

Пютте подслушала разговор папы с одной из мам, поскольку та кивала на нее.

– Я не успеваю удивляться, – ответила папа. – Куда летит время? Такое чувство, будто еще вчера принесла ее домой размером с птенца.

Пютте уже не раз это слышала. Что мать умерла в больнице и что сама Пютте тоже была близка к смерти в утробе матери, но выкарабкалась, хотя и вышла размером с птенца. Папа говорила, что Пютте помещалась у нее на ладони. В это трудно поверить. Конечно, ни один ребенок не может быть настолько маленьким, чтобы поместиться на ладони. Даже такой большой, как папина.

Пютте подошла к качелям. Это ее любимое место в парке. Никто не взлетает на качелях так высоко, как она, – к самому голубому небу, как сегодня. На какое-то мгновение Пютте показалось, что она стала ближе к своей маме. Не то чтобы Пютте скучала по ней. Папа была для нее и мамой тоже. Она представить себе не могла мир, где есть еще кто-то, кроме них двоих.

Папа вспоминала маму только самыми добрыми словами. И повторяла, что Пютте на нее похожа, что, конечно, разжигало ее любопытство. И когда качели поднимались так высоко, что пальцы ног почти касались облаков, Пютте иногда казалось, что она видит маму.

– Пютте! Не раскачивайся так.

Она игнорирует взволнованный голос папы. Пютте сво-

бодна! Пютте неуязвима. Что плохого может с ней случиться, когда она летит? Краем глаза Пютте замечает тревогу в глазах папы, но снова вытягивает ноги и набирает скорость. В самой верхней точке отрывается от сиденья и прыгает. Чувствует ветер в длинных волосах. Она летит – как птица. И приземляется обеими ногами в песок. Широко улыбается папе. Та качает головой и прижимает к животу рюкзак, за которым обещала присмотреть, пока Пютте в полете. Потом наклоняется к одной из мам рядом на скамейке:

– Эта девочка доведет меня до инфаркта.

Встречается взглядом с Пютте – и все продолжается так, как и должно быть.

– Тут нужны агрессивные методы лечения, Рита.

Бертиль Мельберг смотрит на доктора. Во-первых, сколько ему лет? Тридцать-то есть? Как можно лечить людей, не имея никакого опыта? Да еще сообщать такой диагноз без дрожи в голосе... Рак молочной железы. Тройной негатив. Это же смертный приговор!

Рита что-то смахнула с огромного стола доктора.

– Что значит «агрессивные методы»?

Бертиль не понимал, как можно быть такой спокойной. Все рухнуло в одночасье. Сначала был кашель, который никак не проходил, потом Рита стала быстро уставать. Когда в груди обнаружилось уплотнение, Бертиль был близок к обмороку.

– Радиация, – ответил доктор. – И химиотерапия. Как до, так и после операции. Вы наверняка слышали о побочных эффектах – тошнота, выпадение волос и другое. Не самая приятная процедура, но это единственный шанс убить раковые клетки.

– Когда мы начнем?

Рита сжала сумочку. Бертиль в ужасе посмотрел на жену.

– Ну хватит. И ты так сразу поверила? Он выглядит как будто только что окончил школу. Давай съездим в Гётеборг, там большая больница. Запишемся на прием к опытному врачу...

– Я работаю уже пятнадцать лет, – в голосе доктора не чувствовалось и намека на то, что он на что-то обиделся. – Вы, конечно, можете перепроверить мой диагноз, но, уверяю вас, результаты будут те же. И дополнительные обследования будут стоить времени, которого у вас, к сожалению, нет. Я настоятельно рекомендую немедленно начать лечение.

Бертиль посмотрел на свои руки. В ушах стоял звон. Он не хотел слышать, что говорит доктор. Такого просто не могло быть, не с его Ритой. Боже, как мало времени они провели вместе...

Рита взяла его руку, и Бертиль понял абсурдность ситуации. Это он должен ее утешать. Но бездна, в которую он заглянул, была так глубока и темна, что Бертиль не находил в себе силы отвести от нее глаз.

– Мы начнем прямо сейчас, – сказала Рита.

Доктор кивнул и откашлялся в кулак.

– Многие предпочитают сбрить волосы, пока они не выпали сами. Это вопрос личного выбора.

– Посмотрим, – коротко ответила Рита. – А теперь давайте составим план и приступим к лечению.

– Так мы и сделаем.

В кабинете нависла напряженная тишина. Бертиль не смел дышать. Он солгал коллегам, будто уехал с детьми Паулы в Стрёмстад. Если б только это было правдой... Мельберг вздохнул и взял руку Риты, такую теплую. Он хотел бы никогда не отпускать ее.

* * *

Эрика улыбнулась и поставила телефон на беззвучный режим. У Анны не возникло проблем с тем, чтобы придержать детей у себя еще на несколько часов и дать тем самым сестре возможность поработать над новым писательским проектом.

Эрика села за компьютер и размяла пальцы, прежде чем войти в «Гугл». Ее успех с биографиями писательниц и криминальными сюжетами объяснялся прежде всего умением ухватиться за самые неуловимые и ускользающие от менее внимательного глаза детали. Но с Лолой возникли другие проблемы. Слишком мало информации, Эрике не от чего было оттолкнуться. Стокгольм начала восьмидесятых. Пожар в квартире в Васастане, где сгорели женщина, рожден-

ная мужчиной, и ребенок... Сведения об этих событиях на удивление скупы, как будто кто-то постарался стереть любое воспоминание о Лоле и ее девочке. Трансгендерам и сейчас нелегко, что уж говорить о восьмидесятых...

Ни одно из немногих совпадений по запросу Эрики ничего не обещало. Она удалила из поисковой строки слово «убийство». Оставила «Стокгольм», «трансгендеры» и «восьмидесятые», но это мало что изменило. Неужели с тех времен действительно ничего не осталось? Ни фотографий, ни историй, ни репортажей, ни людей, которые могли бы сделать более ощутимым тот мир, дать ему лицо?

Эрика была разочарована, но продолжила поиск. Наконец наткнулась на фотографии Кристера Стрёмхольма. Ей, как и многим, нравились его снимки квартала Пигаль в Париже пятидесятых-шестилесятых годов, мир трансгендеров, который средствами своего искусства стремился постичь отец шведской фотографии. В работе Рольфа, виденной Эрикой в журнале Вивиан, тоже чувствовалось влияние Стрёмхольма, что ни в коей мере не лишало ее оригинальности. Эрика не могла забыть тот снимок.

В то же время работы Кристера Стрёмхольма заставили ее по-другому взглянуть на собственный интерес к этой теме. Был ли это взгляд любопытного в незнакомый, экзотический мир, волнующий кровь своей непохожестью на привычный? Наедине с собой Эрика в полной уверенности могла утверждать, что это не так. Что она ни в коем случае не стремится

подогревать нездоровый интерес публики к тем, в кого и без того достаточно тычут пальцами, и судьба Лолы интересует ее не потому, что та родилась мужчиной. Но Эрика была готова и к таким обвинениям в свой адрес.

Она встала и принялась ходить взад-вперед по своему маленькому кабинету. От вида на море из окна второго этажа у нее всегда перехватывало дыхание, а теперь непроницаемая пелена тумана начала рассеиваться. Писательство – одинокая работа. Сколько часов провела Эрика в этом кабинете наедине со своим творческим беспокойством? Но взгляд на море всегда внушал умиротворение, давал ощущение, что она – часть чего-то большего. Смешно, но именно теперь, когда Эрика добилась успеха, покой как никогда стал для нее на вес золота. Чем лучше продавались книги, тем агрессивнее наседали внешний мир. Интервью, подкасты, пиар-поездки за границу, книжные ярмарки и толпы читателей в погоне за ее автографом. Слишком много того, что отвлекало ее от главного – творчества и семьи.

Эрика вернулась к компьютеру, размышляя, как выйти на нужную информацию. Кем была таинственная Лола? Кто убил ее и ребенка? Насколько хорошо они с Рольфом знали друг друга, когда это произошло?

Она вернулась за компьютер и с удвоенной энергией продолжила поиск.

Комната отдыха с тоскливыми желтыми стенами выглядела как всегда. И дело не только в недостатке денежных средств. Похоже, коллектив не был готов к изменениям. Время от времени Анника говорила, что помещение неплохо было бы «освежить», но эта идея не находила активной поддержки. Коллегам нравилось все как есть. Разве что кофе мог быть получше.

– Как долго он стоит на плите? – Паула Моралес скептически кивнула на кофейник.

– Ты действительно хочешь это знать? – спросил в свою очередь Мартин.

– Не уверена в этом.

Паула решила все-таки налить чашку и села за стол напротив Мартина. Пуншевые рулеты уже ждали. Паула взяла один и подвинула тарелку Мартину, но тот покачал головой:

– Я и без того превращаюсь в симпатичного толстячка.

– Так ты будешь еще симпатичнее, – рассмеялась Паула.

Ей нравилось снова видеть его веселым. Одно время Паула боялась, что печаль в глазах Мартина никогда не развеется. Но время залечивает почти все раны. В достаточной степени, по крайней мере, чтобы жизнь могла продолжаться, не погружаясь в омут тяжелых воспоминаний.

Паула сделала глоток. Кофе можно было бы назвать без-

вкусным, если б не привкус гари на языке. Но она даже не поморщилась. Это стало привычным, как и выцветшая желтая краска на стенах, и потому внушало чувство уюта и защищенности. Дом есть дом, каким бы он ни был.

– Я слышал, Мельберг плещется с детьми в Стрёмстаде. Мельберг в плавках – это, скажу я вам, зрелище для богов...

Мартин потянулся за рулетом и покончил с ним в два укуса. Вот вам и все воздержание.

Паула опустила взгляд в стол. Она ненавидела лгать Мартину, но Бертиль настоял, чтобы визит Риты к врачу остался тайной, и она склонялась к тому, что это правильно. Сочувственные взгляды коллег – последнее, что нужно им с Бертилем. Особенно это касалось Мартина, который сам прошел этот путь с самым близким человеком. Кроме того, тревога могла оказаться ложной, и в этом случае тем более не стоило раньше времени сеять панику.

Паула взглянула на телефон. До сих пор ничего ни от матери, ни от Бертиля. Но так оно всегда бывает с визитами к врачу.

– Что с нашим списком? – спросил Мартин.

Он собрал крошки со стола и бросил в раковину, после чего оторвал кусок бумажного полотенца из держателя на стене и протянул половину Пауле. «Он стал таким аккуратным, – подумала она. – Чувствуется влияние Метте».

– Так себе, – ответила Паула. – Пока ничего интересного. Был праздник, люди перепились... Никто ничего толком не

помнит. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы насторожить.

– У меня то же самое, – кивнул Мартин, возвращаясь за стол.

Он снова потянулся за рулетом, и Паула подумала, что его щеки и в самом деле несколько округлились за последнее время. Но ему идет.

– Полагаю, самое простое объяснение в данном случае и есть самое вероятное, – задумчиво продолжал он. – Я имею в виду кражу. Злоумышленники вломились в галерею и застали там Рольфа. Произошла потасовка. Рольф погиб, а они скрылись, ничего не взяв.

– Кража произведений искусства во Фьельбаке? – скептически переспросила Паула и опять потянулась за рулетом. – Мы знаем наперечет всех местных знатоков, кого это может касаться. Тем более когда речь заходит о фотографиях. – Она подобрала крошку с бумажного полотенца.

Мартин кивнул.

– Согласен, но мы ведь пока не представляем себе, как было дело. Пресса много писала о выставке Рольфа и его успехах. Не забудь, что среди участников последнего ограбления музея Мунка в Осло не было ни одного знатока живописи.

– Уф... Надеюсь, тем самым они рассчитывали устранить пробелы в своем образовании.

Мартин покраснел, отчего его веснушки стали не так заметны.

– Мы смотрели ролик на эту тему.

– Ну да...

Паула ухмыльнулась. Оставался один, последний рулет. Она пододвинула тарелку Мартину.

– Спасибо. – Язвительный тон, каким это было сказано, не помешал ему с удовольствием угоститься.

Паула быстро проверила телефон и встала. По-прежнему ничего от мамы. Откуда-то из желудка уже поднималась волна панического страха. Сосредоточиться на работе – лучшее, что можно сделать в этой ситуации. И она обзвонила не всех гостей из своей части списка.

* * *

– Прежде всего, я хочу принести вам соболезнования, – тихо сказал Патрик.

Хеннинг и Элизабет молча кивнули. Оба выглядели вконец обессиленными. Ничего удивительного после вчерашнего праздника, но это была не та счастливая усталость, какую чувствуют обычно люди в таких случаях. Глаза супругов были пустыми.

– Это ограбление? – спросила Элизабет строгим, требовательным тоном.

Властность, которую излучала эта женщина, заставила Патрика выпрямиться на стуле.

– Мы ничего не знаем. И даже если б знали, сейчас не

можем делиться такой информацией.

– Понимаю.

– Нужно дать полиции возможность делать свою работу, – сказал Хеннинг и успокаивающе накрыл руку жены своей. Потом перевел взгляд на Патрика: – Располагайте нами, если мы можем быть вам полезными. Рольф был нашим другом на протяжении многих лет.

– Почему его не было на вечере?

Патрик нахмурил брови. Если они были такими близкими друзьями, как утверждает Хеннинг, разве Рольф не должен был разделить их праздник?

– Рольф был немного... себе на уме, и с годами это только усугублялось. То же можно сказать о каждом из нас. – Хеннинг махнул рукой и поднял глаза на жену, словно ища поддержки.

– С возрастом Рольф все больше становился отшельником, – согласилась Элизабет. – Желательно в каком-нибудь богом забытом уголке планеты. А на нас, жителей реального мира, смотрел с презрением.

– Ты перегибаешь палку. – Хеннинг перевел взгляд с Патрика на жену. Элизабет твердо посмотрела ему в глаза.

– Ты знаешь, что это правда. Он отгородился от нас, особенно в последние месяцы. Честно говоря, мы не особенно удивились, когда Рольф отказался прийти на праздник.

Пока супруги пререкались, Патрик делал записи в блокноте.

– Но его жена там была.

– Да. И судя по тому, что я слышала от Луизы, Вивиан приняла приглашение в последнюю минуту. Наверняка пошла против Рольфа. Но, думаю, это здоровое решение. Рольф мог быть очень властным, а бедняжка Вивиан подчинялась ему почти двадцать лет.

Элизабет фыркнула.

– Они поссорились? – спросил Патрик.

– Не настолько, чтобы она могла его убить, если вас это интересует.

– У них были проблемы в отношениях, как и у всех.

Хеннинг Бауэр снова смягчил категоричность жены. Патрик спросил себя, насколько обычна такая модель поведения для супругов.

– То есть ничего серьезного?

– Ничего серьезного, – подтвердил Хеннинг.

– Как вы познакомились с Рольфом? Вы сказали, что ваша дружба уходит корнями в далекое прошлое...

Хеннинг снова взглянул на Элизабет, которая отвернулась и как будто заинтересовалась публикой за столиками в зале. Туман заставил постояльцев отеля воздержаться от прогулок на свежем воздухе.

– Мы знаем Рольфа с семидесятых годов, – ответил Хеннинг. – Тогда мы были небольшой разношерстной группой чудаков, объединенных любовью к культурным формам самовыражения.

– Культурным формам самовыражения? – переспросил Патрик.

– Литература, фотография, живопись, музыка – все, что отличает людей от обезьян. – Хеннинг рассмеялся, и Патрик понял, что он повторял эту шутку уже не один раз.

– То есть с тех пор вы с ним общались?

– Да, по работе, и дружили семьями, – сказала Элизабет и посмотрела на Патрика. – Рольф – крестный нашего младшего сына Рикарда. И мы много лет вместе руководили клубом «Бланш».

– Да, вчера я что-то такое слышал... Что это за клуб?

Хеннинг перегнулся через стол.

– Можно сказать, «Бланш» – наша попытка вернуть долг. Мы, кто стоял за этим проектом, добились некоторого успеха в разных видах искусства и знаем, через какое узкое ушко нужно пройти, чтобы состояться в этой сфере. Поэтому и решили предложить площадку для обмена опытом. Чтобы дать новым талантам возможность расти и реализовываться.

– Каким талантам? – не понял Патрик.

– Любым. В любой сфере культурного самовыражения, из тех, что я только что упомянул. У нас проводились регулярные обсуждения разных культурных мероприятий – от художественных выставок до поэтических вечеров и музыкальных концертов. Танцы тоже не были забыты. Мы предоставили место, где таланты могли встречаться с культурным истеблишментом, расти, перенимать опыт друг друга.

Хедстрём почесал в затылке. Объяснения относительно деятельности клуба все еще представлялись ему туманными.

– И кто стоял за этим проектом?

Хеннинг оживился еще больше:

– Я, Элизабет и Рольф. Но кроме нас – Сюзанна и Уле Ховланд. Вы знаете, кто это такие?

Патрик кивнул. Судя по тону голоса, Хеннинг не ожидал услышать утвердительный ответ на этот вопрос.

– Вчера я о них слышал, – сказал Хедстрём. – Сюзанна – член Шведской академии, а Уле – ее муж.

– Именно так. Уле активно занимается «Бланш». Он хозяин клуба, можно сказать.

– Как ладили между собой те, кто занимался клубом?

Элизабет снова фыркнула, и Хеннинг успокаивающе коснулся ее руки.

– Мы всегда отлично ладили, – сказала она. – Я не понимаю, какое отношение эти вопросы могут иметь к убийству Рольфа. Совершенно очевидно, что это кража со взломом. Причем здесь «Бланш»?

Патрик развел руками:

– На первой стадии расследования мы, как обычно, пытаемся получить максимальное количество информации о жертве.

– Пусть делают свою работу, Элизабет, – Хеннинг похлопал жену по руке.

Она отдернула руку и не смотрела ни на Хеннинга, ни на

Патрика.

– У Рольфа были враги? Имел он проблемы с кем-нибудь?
Хеннинг энергично затряс головой:

– Нет, боже сохрани, у Рольфа не было врагов! Да и у кого из нас они есть? «Враги» – это звучит слишком драматично. Конечно, человек он был тяжелый, особенно последние несколько лет. И работал в чрезвычайно конкурентной отрасли. Но враги... Нет, не думаю.

Элизабет взглянула на часы – симпатичные часики серебристого цвета. Патрик догадывался, что они стоят целое состояние.

– Сейчас я вас отпущу, – пообещал он. – Мой последний вопрос касается вчерашнего вечера. Не заметили ли вы чего-нибудь такого, что могло бы показаться необычным или иметь отношение к убийству Рольфа?

– То есть это произошло во время нашего праздника? – спросила в свою очередь Элизабет.

– Я не могу комментировать расследование на начальной стадии, как уже сказал.

Хеннинг и Элизабет переглянулись, а потом дружно покачали головами.

– Не припомню ничего такого, – сказал Хеннинг.

– Ну что ж, в таком случае я вас отпускаю. Но не насовсем... Думаю, мне еще придется вас побеспокоить.

Хеннинг Бауэр поднялся.

– Луиза предоставит вам контактную информацию.

Патрик смотрел вслед супругам, быстро покидающим зал. Что-то подсказывало ему, что Бауэры были с ним не вполне искренни. Вот только в чем? Этого Хедстрём пока не понимал.

* * *

– Ничего не забыли?

Луиза оглядела людей на пристани. Они вызвали морское такси, потому что неожиданно Хеннинг пригласил на Шелерё Вивиан, Уле и Сюзанну.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Луиза Вивиан, стоявшую рядом с сумкой в руке.

Та смотрела на море, где уже рассеивался туман, но по гребням волн все еще скользили белые барашки. Похоже, будет качка.

– Как сказать... – беззвучно ответила Вивиан. – Все это как-то... нереально. На меня не может действовать то, что нереально.

Луиза похлопала Вивиан по руке и больше ничего не говорила.

– Сюзанна! Уле! Где ваш багаж?

Сюзанна кивнула, а Уле подмигнул Луизе. Та вздохнула и направилась к капитану, который должен был доставить компанию на остров.

– Нужно немедленно сниматься с якоря, ветер усиливает-

ся, – сказал капитан, показывая на воду.

– Мы снимемся, как только придут Хеннинг и Элизабет.

Они с капитаном посмотрели в сторону Галербакена и входа в «Большой отель».

– Насколько удачна идея сейчас приглашать к нам людей? – произнес Петер уголками рта, не сводя глаз с Макса и Вильяма, слишком близко подошедших к краю пристани. На мальчиках были спасательные жилеты.

– Ужасная идея, – согласилась с мужем Луиза. – Но что ты предлагаешь делать? Сказать ему об этом?

Она всплеснула руками. Петер отвел глаза от мальчиков и положил руку ей на плечо.

Луиза напряглась от неожиданности. Публичные проявления нежности совсем не в стиле Петера. Личное – это личное.

– Не предлагаю, и ты это знаешь, – ответил он. – Нет смысла отговаривать папу, если он принял решение. Может, это его способ справиться с горем? Окружить себя знакомыми, близкими людьми... Что, если это он прав, а мы ошибаемся?

– Не похоже, чтобы Элизабет особенно волновалась.

– А когда-нибудь было похоже?

Петер улыбнулся, прежде чем сделать несколько быстрых шагов к набережной, где мальчики мутузили друг друга в опасной близости от воды.

– Что вы делаете? – Он схватил каждого за ворот спасательного жилета и развел драчунов по сторонам.

– Он первый начал. Обозвал меня «малявкой», потому что у меня детский спасательный жилет, – пожаловался Вильям.

Его жилет был оранжевый, с большим воротником. Макс показал брату язык. На нем был темно-синий, более строгий – уменьшенная копия тех, что носили взрослые.

– Это не детская модель, – строго заметил Петер. – Перестань дразнить его, Макс.

– Они идут! – закричала Луиза, показывая на холм. – Я помогу им с багажом. Поднимайтесь на борт, скоро снимаемся с якоря.

– Есть, капитан! – Уле бодро вытянулся в струнку и отдал честь.

Никто не засмеялся.

Когда лодка отчалила из гавани Фьельбаки, Луиза, впервые с тех пор как узнала от Эрики, что Рольфа нашли мертвым, расслабила плечи. Море всегда действовало на нее успокаивающе. Вода была ее стихией. Медленно, держась за перила, она направилась в носовую часть судна. Лодку бросало из стороны в сторону, но Луиза быстро освоилась с качкой.

Встав на носу, она подставила лицо холодному ветру и каскадам брызг. Во рту стало солоно, но чувство свободы позволило впервые за долгое время дышать полной грудью. Луизе хотелось бы как можно дольше сохранять его в теле. На горизонте собрались темные тучи. Приближался шторм.

Никто из них не избежит его.

* * *

– Бертиль!

Йоста окликнул начальника отделения Бертиля Мельберга, но комиссар прошел прямо по коридору в свой кабинет и закрыл дверь. Йоста вздохнул. Сегодня Мельберг явно не в настроении. С учетом того, что и в лучшие дни с ним не просто ладить, вряд ли это можно считать хорошей новостью.

Йоста остановился возле кабинета Мартина Мулина и постучал в дверную раму.

– Мельберг вышел на тропу войны.

– Что ж, неплохо.

– Что в этом хорошего?

– Старый ворчун, что у тебя со списком свидетелей?

Йоста прислонился к дверному косяку. Кроме кабинета Бертиля, все двери в коридоре были открыты. Так приятнее и легче работать.

– Всё в порядке, – сухо ответил Йоста. – Я опросил около десяти гостей, и все говорят одно и то же. Что никто ничего необычного не заметил, в том числе и возле галереи. При этом мямлят... как с похмелья. Не знаю, стоит ли верить таким показаниям.

– Об этом лучше спросить Патрика. Он был здесь.

– Да, и тоже выглядел бледновато... – Йоста рассмеялся. –

Сам-то как?

Мартин помахал списком, в котором отмечал галочками одну фамилию за другой.

– Все то же. Никто ничего не видел и не слышал.

– А соседи? Кто живет там, на Бакене, местные или курортники?

– Местные, насколько мне известно. Нужно их опросить.

– А персонал отеля?

– Я поручил Пауле составить список, – Мартин вздохнул и повел плечами, сбрасывая напряжение. – Нужно разузнать, кто из местных склонен к насилию. И если такой тип в последнее время носился с какой-нибудь сумасшедшей идеей...

– Не могу назвать никого во Фьельбаке, кто склонен к насилию. И потом, от ограбления до убийства довольно большой шаг.

– Это так. Но и ты, и я знаем, насколько непредсказуемо порой развивается ситуация. Орудие убийства, судя по всему, преступник подобрал на месте. Это позволяет предположить, что он действовал спонтанно.

Йоста серьезно посмотрел на молодого коллегу.

– Наверное, ты прав. Но сначала мы всё же спросим у Патрика. Он скажет, с кем беседовать и в каком порядке, согласен?

– Он скоро будет. – Мартин поднял трубку телефона, чтобы продолжить обзвон по списку. – Наверное, проведет «ле-

тучку», когда придет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.